

Алена
МОСКОВСКАЯ

ПРЕДАТЕЛЬ

ЕГО ЗАПАСНАЯ
ЖЕНА

#ЛИТМОБ БЕРЕМЕННА ОТ ПРЕДАТЕЛЯ

Алена Московская

Предатель. Его запасная жена

<https://litres.ru/74316459>

Аннотация

♥#МОЯ НОВИНКА "ИЗМЕНА. ВЕСТНИЦА РАЗЛУКИ":

— Познакомься, — мой муж обнимает высокую брюнетку, — это моя вторая жена. Я ошеломляюсь от увиденного и услышанного. — К-кто? Адиль, ты чего вообще говоришь? — Ты что, глухая?! Жена моя говорю. Мадина. Уважай ее, теперь она тут главная. А вместо глупых вопросов лучше на стол накрой.

Мы женаты два года. Счастливый брак, понимание, забота, любовь. Все это начинает рушиться в тот день, когда я слышу их с матерью разговор за дверью. Свекровь настойчиво советует Адилу взять вторую жену, и вот моя замена с видом хозяйки уже стоит на пороге нашего дома.

— Я ничего не понимаю. Скажи, что все это шутка, умоляю. — Ты так удивлена, будто не знаешь наши обычаи. Рожать мне будет наследников, раз ты не можешь. — добивает меня он.

А я то слепо надеялась, что муж останется верен мне. Но сейчас, когда мне посчастливилось узнать о том, что я наконец беременна, уже не уверена, что он достоин знать об этом. Ведь кто я ему теперь? Запасная жена?

♥#ХЭ

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОБАВЛЯТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ
И СТАВИТЬ ЛАЙКИ(ЗВЕЗДОЧКИ)!

♥#Книга выходит в рамках литмоба “Беременна от предателя”

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Знакомство с героями	17
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	70
Глава 13	79
Глава 14	87
Глава 15	95
Глава 16	105
Глава 17	114
Глава 18	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Глава 1

Мария

— Ты у меня такой красивый, — не сдерживаюсь я, поглаживая мужа по спине.

Знаю же, что он не любит комплименты, но промолчать не могу.

Адиль стоит передо мной, широкоплечий, в облегающей белой рубашке, которую я погладила утром. Как же приятно видеть его таким, как же приятно заботиться о нем.

Сколько бы дней не прошло, каждый из них как первый, и я не могу нарадоваться тому, что этот мужчина стал моим.

Я медленно, с привычной нежностью приобнимаю его и кидаю взгляд на зеркало, в котором мы отражаемся.

Прям идеальная картина.

Дом. Муж. Мы. Семья.

Он слегка приподнимает уголок губ, словно делая мне одолжение этой улыбкой, разворачивается, наклоняется и целует меня в макушку.

— Ну все, давай. Я поехал и вернусь поздно. Засыпай, не жди.

— Хорошо. — киваю я.

Я провожаю его вниз, топая тапочками, ступенька за ступенькой, и в груди появляется знакомое тоскливое чувство.

Такая легкая пустота, которая всегда остается после его

ухода.

Адиль выходит на крыльцо, закидывает сумку в салон и сам садится в машину. Улыбается, кивает на прощание и уже через несколько секунд выезжает за ворота, растворяясь из моего поле зрения.

Оно переводится на задний двор нашего ресторана, где уже толпятся грузчики, спуская бесчисленные палеты с продуктами.

Вот я кукушка. Чуть не забыла. У нас же сегодня свадебный банкет.

Даже и не верится. Кажется, только вчера в этом ресторане мы познакомились с Адилем, а потом играли там и нашу свадьбу.

Все, Маша. Не время впадать в ностальгию. Гуля там уже наверно зашивается на кухне, надо идти помогать.

Но все же еще на пару минут я остаюсь стоять на ступеньках, облокотившись на железные перила веранды.

Тем более погода хорошая.

Весна. Все вокруг начинает благоухать. Теплеет. Лучи солнца уже изрядно припекают, лишь слабый ветерок дает усомниться в том, что лето уже на пороге, и в этом есть что-то обманчиво прекрасное.

Я задерживаюсь здесь еще на пару минут, позволяя себе просто побыть здесь, в этом моменте, пока дом не поглотил меня своими стенами и привычной рутинной.

Но делать нечего, работа зовет. Поэтому я разворачива-

юсь и захожу внутрь, где сразу наваливается ворох дел: приготовить, разобрать, проверить поставки, позвонить заказчикам.

Наш дом никогда не бывает пустым, даже когда кажется, что в нем тихо.

Я иду по коридору и никак не могу перестать думать о муже...

В последние дни он действительно часто уезжает допоздна. Возвращается ночью, когда я уже сплю, и наши разговоры становятся короткими, как будто мы живем в разных временных отрезках.

Мне не хватает его, его тепла, его комплиментов. Привыкла возможно, что он всегда рядом, а теперь тяжело.

Я убеждаю себя, что это работа. Что все нормально. Что так бывает, многие ведь люди живут так, почти все. У кого-то вообще мужа на вахты уезжают или в море уходят, в рейсы.

Я иду дальше по коридору в сторону лестницы... как вдруг слышу голос на кухне.

Свекровь.

Я не собиралась подслушивать. Честное слово. Я бы просто прошла мимо, не вдаваясь в чужие разговоры, я всегда так и делаю. Но не в этот раз, когда все резко меняется после того, как я слышу своё имя.

И ноги словно прирастают к полу.

— Да что уж там... — произносит Алия Исмаиловна. — Мне уже стыдно подругам в глаза смотреть...

Внутри у меня что-то тут же сжимается, будто моментом туго стянули грудь. Не поняла... Я замираю у стены.

— У всех внуки давно растут! — продолжает она восклицать. — Они ими занимаются, хвастаются. Мой в музыкальной школе, а мой уже на коньках стоит, тьфу на них! Отличники одни, да спортсмены, а я что? А я ничего. Эта Маша... порченная что ли, понять не могу? Уже зла не хватает, как поперек горла ее проверки эти больничные стоят.

Я чувствую, как холодеют ладони. Пальцы немеют, словно кровь отхлынула куда-то вглубь. Она серьезно? Мне точно не показалось?

— Вместо того чтобы родить моему сыну наследника нашего рода, нашего дома, нашего бизнеса... она чем занимается? Правильно. Ничем. Делает вид, что по дому хлопочет, да все рубашечки Адилю наглаживает, лучше бы штаны снимала, дура.

Я облакачиваюсь плечом к стене, потому что стоять прямо вдруг становится невыносимо. Сердце бьется быстро, слишком быстро, и каждый удар отдается в висках.

Это она... обо мне?

Это та женщина, которая еще сегодня улыбалась мне за завтраком.

Женщина, которая когда-то мне помогла, привела в свой дом и хвасталась всем, какая я у нее хорошая добрая, чистая и невинная невестка, хоть пусть и не их "породы". Она же делала вид, что гордилась мной.

Выходит это все пустой звук?

Она ведь раньше мне говорила:

— Не переживай, все будет хорошо.

А сейчас что?

— Невестка... вся она не такая. — ее голос с каждым словом становится жестче, я слышу ненависть в нем. — Все никак не может разродиться.

По моей коже пробегает волна мурашек, словно кто-то провел ледяной рукой по спине. Я даже не могу осознать, о чем она.

Мозг цепляется за отдельные слова, не складывая их в единое целое, потому что это слишком больно.

Я ведь ее всем сердцем люблю... она мне как мама почти стала...

— Если бы я знала, что это надолго... — она делает паузу, и в этой паузе слышится презрение. — Может, она вообще правда больная какая-то. Надо бы сводить ее провериться. Уже не могу... даже стыдно об этом говорить.

У меня пересохло во рту.

Она правда меня ненавидит? Презирает и хочет избавиться?

Я стою неподвижно, боясь даже лишний раз вздохнуть, чтобы не выдать себя. Внутри все переворачивается. Это чувство не похоже на обиду, оно гораздо глубже.

Оно словно ломает что-то важное, опору, на которой я держалась. Я ведь думала она меня тоже любит. Тоже забо-

тится обо мне искренне.

— Вон Артурик, сын Ахмедовой, полгода назад женился, — продолжает она. — Уже и ребеночек на подходе. А у нас что? Да, ой, Фатима, я тебя умоляю, не преувеличиваю я. Просто головой мне надо было думать, прежде чем эту русскую домой тащить. Сама виновата, повесила себе на шею бедняжку. Ай-вай...

Я пытаюсь силой мысли сжать уши, пытаюсь расслышать все сказанное ею, пытаюсь просто сбежать, но я как прикипела к этой полуоткрытой двери.

А свекровь всё продолжает, не собираясь заканчивать разговор.

Говорит обо мне.

О том, что я не справилась. Что я не такая. Что я пустое место в их доме.

Я продолжаю глотать, едва не поперхиваясь от ее речей, и не могу им поверить.

Не могу поверить, что это происходит со мной... это все должно быть дурным сном. Я сейчас проснусь в объятиях Адила и он скажет, что все хорошо.

Но нет.

В груди становится так тесно, как будто туда залили раскаленного свинца.

Глаза щиплет, но слёз нет, я реально словно застыла.

В голове шумит, мысли путаются.

Она же всегда была доброй... она же поддерживала... она

же...она же...

И вдруг все это превращается в одну страшную правду.

Я здесь чужая.

Стою за стеной, до боли сжимая кулаки, и понимаю, что сейчас узнаю о себе больше, чем за все два года жизни в этом доме.

Глава 2

Мария

После того как разговор все-таки заканчивается, я еще несколько секунд стою за стеной, и мне кажется, что если я сделаю шаг, то что-то во мне окончательно сломается.

Сердце стучит так громко, что я боюсь, как бы его не услышали.

Внутри все перемешалось: обида, стыд, растерянность. В голове не укладывается, как можно было говорить обо мне такие слова.

Я ведь... я правда считала, что мы семья.

Я медленно выхожу из своего укрытия, и в этот момент она меня замечает.

Алия Исмаиловна стоит в дверном проеме кухни, уже без телефона в руках. Она смотрит прямо в мои глаза, без смущения, не пытаясь спрятаться. В ее взгляде нет ни капли сожаления. Только леденящая уверенность в своей правоте. Еще бы. Она всегда считает себя на голову выше остальных.

Свекровь плавно приближается ко мне, словно ждала, что я появлюсь.

— Если ты думаешь, что я сейчас возьму свои слова обратно, ты ошибаешься, девочка.— резко произносит она.

Я моргаю, не сразу отдавая отчет тому, что происходит.

Мне хочется спросить, не сон ли это.

Мне хочется сказать, не ослышалась ли я.

Но язык ни в какую не слушается.

— Да что вы такое... — голос срывается, и я чувствую, как к горлу подступает ком. — Как у вас язык повернулся такое про меня сказать? Я думала... я думала, мы семья.

Она усмехается.

— Мы были бы семьей, если бы ты родила мне внука. — бросает она таким тоном, словно говорит о готовке обеда, покупке хлеба или еще о чем-то в таком духе обыденном. — А так... что это? Два года прошло.

Я делаю шаг вперед, и в груди поднимается обида, ранящая, болезненная.

— Вы же знаете, что я хочу. — вырывается у меня. — Я хочу ребенка больше всего на свете.

— Хотеть и сделать — разные вещи, дорогуша. — перебивает она. — Я своему сыну выбирала жену порядочную. Молодую, здоровую. Чтобы носила наследников.

Слова режут ножом.

Я стою перед ней, и мне кажется, что меня унижают не просто как женщину, меня унижают как пустое место, как ошибку, как ненужную вещь.

— А вместо этого получилось что? — набирает обороты Алия. — Ты два года здесь живешь. Два года. И за эти два года ничего не изменилось. Ноги раздвигать не научилась?

Я чувствую, как по щекам начинают катиться слезы, и мне стыдно, что я плачу перед ней. Но остановить это невозмож-

но. Всё внутри слишком переполнено.

— Вы же... вы же всегда относились ко мне хорошо. — шепчу я. — Вы помогали мне. Поддерживали.

— Потому что я надеялась. — отрезает она. — А теперь я даже не знаю, что с тобой. Ты какая-то... совсем бракованная.

Это слово ударяет сильнее всего.

Бракованная.

Я будто падаю и рассыпаюсь внутри себя.

— Не говорите так... — интонацию вихляет, я не в силах ее удержать. — Я проверялась. У меня всё... Я правда не знаю...

— Всё ты прекрасно знаешь. — перебивает она. — Если бы ты хотела, ты бы уже давно родила.

— Я хочу! — почти кричу я. — Я хочу, вы же знаете!

Она проходит к столу, садится, берет чашку кофе, которую обычно варит себе каждое утро, а затем медленно пьет до самого вечера. Движения ее настолько привычны и отточены, словно рядом не стоит плачущая жена ее сына, которую она пытается сломать.

— Я уже очень долго жду внука, наследника Адиля, — произносит она, делая глоток. — Подруги спрашивают. А мне что им ответить скажи, голуба? Что моя невестка не может? Только на смех себя поднимать, позоря наш род.

Я прижимаю ладонь к груди, потому что там больно, тяжело, будто туда положили камень.

— Вы... вы понимаете, насколько это для меня большая тема? — шепчу я.

Но ей всё равно.

Она продолжает, не снижая тона:

— Я с ним еще поговорю по этому поводу.

Эти слова заставляют меня вздрогнуть.

— Поговорите обязательно. — тут же вырывается у меня.

— Он любит меня. У нас всё хорошо. Это наша семья.

Она медленно поднимает на меня глаза.

— Семья была бы, если бы в ней был ребенок. А пока ты просто его сожительница. Не более того. Двое — это не семья, запомни.

Мне кажется, что я перестаю стоять на ногах. Всё плывет. Всё рушится.

Свекровь наклоняет голову, прожигая меня взглядом.

— И не забывай, милая... он мой сын. А я его мать. И по нашим традициям он будет прислушиваться ко мне, а не к тебе. Это ясно, думаю.

Я не могу вымолвить ни слова, а выдает фразу, которая окончательно выбивает у меня почву из под ног.

— Если ты не сможешь родить, ему родит другая, — словно между делом произносит она.

А для меня это звучит как приговор.

У меня темнеет в глазах.

Я пытаюсь отшатнуться.

— Он никогда... — шепчу я, цепляясь за последнюю на-

дежду. — Он никогда на это не согласится. Он не...

— Думай, как знаешь, — бросает она мне вслед, уже от-
вернувшись и переключившись на что-то свое.

Я еще секунду стою, обескураженная сказанным.

Собирая остатки воли в кулак, я все-таки разворачиваюсь
и ухожу.

Слезы льются ручьем, руки дрожат, в голове пульсирует
только одно: боже... я не верю, что это услышала.

Знакомство с героями

А вот и визуалы наших главных героев##

Маша— девушка, которая с любовью и надеждой вошла в чужую семью. Она нежная, ранимая, но не слабая — просто ее боль слишком сильна, чтобы прятать ее за гордыней. Маша живет сердцем: она верит в мужа, в дом, в то, что ее любви должно быть достаточно. Она всем сердцем хочет ребенка, и именно это желание становится ее уязвимым местом, ее оружием против самой себя. Маша старается быть хорошей женой, частью семьи, но постепенно начинает понимать: в этом доме ее место зависит не от любви, а от способности «дать наследника».

Адиль — мужчина из семьи, где власть и традиции превыше чувств. Он привык быть опорой, привык решать, привык, чтобы его слушали. В нем много внутренней жесткости, даже если внешне он сдержан и собран. Он не любит лишних слов, не разбрасывается эмоциями, но его молчание всегда весомо. Адиль живет по принципу: дом, род, наследие, ответственность. Для него семья — это не только любовь, это продолжение рода, статус, порядок. И, следуя негласным законам своего народа, он вполне может заменить женщину, если она не справляется с тем, что считается главным в се-

мье, — рождением ребенка. Особенно, когда этого требует его мать.

Алия — женщина традиционных взглядов, мать, которая привыкла считать себя главной в семье сына. Она умеет быть ласковой, умеет поддержать, но эта мягкость сохраняется только до тех пор, пока все идет по ее сценарию. Алия искренне верит, что невестка должна оправдывать ее ожидания: рожать, вести хозяйство, быть «правильной» во всем. В ней нет зла ради зла, но есть неоспоримая уверенность в том, что она имеет право вмешиваться, потому что она мать. Ее любовь к сыну собственническая, требовательная. Алия страшна тем, что унижает без крика, словно вынося судный приговор, при этом никогда не считает себя виноватой.

Гуля — мировая женщина, которая повидала слишком много, чтобы удивляться чужой боли. Она старше Маши, опытнее, приземленнее, но у нее огромное человеческое сердце. Гуля не подруга в привычном смысле этого слова, но она становится самым близким человеком для Маши, потому что рядом с ней можно быть искренней, дать волю эмоциям. Гуля умеет слышать, умеет утешать. Она понимает здешние традиции, но не оправдывает жестокость.

Глава 3

Мария

Я ухожу от нее, и коридор тянется передо мной длинным туннелем, где стены этой, казалось бы крепости, уже не защищают, а давят.

Ноги несут меня сами, а тело не слушается: колени ватные, ладони мокрые, пальцы будто чужие. Слезы льются без остановки, и мне стыдно, что я плачу в их доме, в их коридоре, будто я здесь лишняя, будто меня можно выгнать за дверь одним словом.

В голове упорно чеканит одно и то же: «бракованная», и от этого стука у меня начинают болеть виски.

Пытаюсь делать короткие рваные вдохи, стараясь не издать ни звука, но горло сводит судорогой, и я давяю на него изнутри, чтобы сдержаться.

Мне хочется спрятаться, исчезнуть, чтобы никто не видел, как меня ломает. Но я знаю, куда иду. Я всегда иду туда, когда совсем не знаю, что с собой делать.

На кухню.

Там то кипит совсем другая жизнь. Там нет места их семейным историям с «традициями» и «внуками», а работа.

Вечером откроется ресторан, и сейчас самое время делать заготовки: чистить, резать, складывать, подписывать контейнеры.

Я здесь уже третий год, третий год исправно прихожу помогать Гуле, и это стало частью моего дня, частью моего места в этом доме, которое я выбрала для себя, чтобы быть полезной, а не просто «женой, которая не родила».

На входе гудит холодильник, на плите томится что-то с ароматом мяса и пряностей, на столе уже стоит ящик с овощами, и эта подготовка всегда меня спасает: если руки заняты, то и голова меньше болит.

Но сегодня не спасает. Сегодня я вхожу, и у меня трясутся плечи, трясутся руки, все лицо мокрое, опухшее, я даже вытереться не успеваю.

Гуля оборачивается, замечает меня с порога, и ее взгляд меняется. В нем нет ни раздражения, ни любопытства, только мгновенная тревога, словно она уже понимает, что у меня внутри что-то рухнуло.

— Маш... — она бросает нож на доску, вытирает руки о фартук и быстро подходит ко мне, не теряя ни секунды. — Ну что такое? Что случилось?

И я не выдерживаю.

Я пытаюсь что-то сказать, но вместо слов вырывается всхлип, потом еще один, и я уже не могу себя контролировать. Г

уля крепко, по-матерински обнимает меня, прижимает к себе, а я цепляюсь за ее фартук так, словно это единственное, что удерживает меня на ногах.

Мы с ней не подруги в привычном смысле этого слова.

Она старше меня почти в два раза, у нее свой опыт, свой характер, свои правила.

Но она точно мне близкий человек для меня. Тот, кто видит во мне не «невестку», не «бесполезную», не «рожалку» а просто Машу, искреннюю, растерянную и уставшую.

Я вытираю лицо рукавом, пытаюсь вдохнуть поглубже, но грудь сдавлена, будто стянута ремнем, и от этого становится еще страшнее — я не могу успокоиться, не могу взять себя в руки.

— Она... она так сказала, — наконец выдавливаю я, глядя в пол, потому что, если посмотрю на нее, расплачусь еще сильнее. — Я услышала... а потом она сказала мне это в лицо. Про ребенка. Про то, что я... что со мной что-то не так.

Гуля отстраняет меня на полшага, берет за плечи и внимательно, как в осколки хрустальной вазы, всматривается в мое лицо.

— Алиян... Алиян Исмаиловна? — осторожно произносит она, словно пробует это имя на вкус, словно подбирает ключ к нему. — Машенька, она добрая. Правда. И отходчивая. Может, день не задался. Может, что-то случилось, вот она и сорвалась. Ты не думай. Не принимай близко к сердцу. Она это не со зла.

Я хочу ей верить, очень хочу. Я цепляюсь за ее слова, как за спасательный круг: день не задался, сорвалась, это не все-ррез.

Но в глубине души то я понимаю, что слова свекрови

слишком точны и жестоки, слишком правдивы для нее. Такие слова не срываются просто от усталости. Так говорят то, что давно носят в себе.

— Гуля... — всхлипываю я, и слезы снова начинают течь. — Я же люблю Адиля. Я бы давно ему родила... я бы... если бы могла. Я не понимаю, почему. Я ведь... никогда ни перед кем не виляла задницей. Никогда. Я люблю только своего мужа. Я верна ему, Гуля. Я живу этим домом, этим рестораном, всем этим... а меня... меня называют бракованной.

От этого слова по телу снова пробегает дрожь, и я обхватываю себя руками так крепко, словно пытаюсь удержаться внутри собственного тела.

Гуля гладит меня по голове, потом по щеке, вытирает слезы большими теплыми ладонями, но я ничего не чувствую. Я будто в пустоте, где каждое слово свекрови эхом отражается и возвращается обратно.

— Я знаю, Маш, — Гуля смотрит своими добрыми глазами, в них нет как таковой жалости, но я чувствую ее сочувствие. — Я знаю, что ты не такая. Но ты же понимаешь... у них так принято. У них ребенок — это всё. Для них это продолжение. Род. Дом. Имя. Они так живут. Традициями. Женщина без ребенка для них... — она замолкает, выбирая слова, чтобы не ударить меня еще раз. — Они этого не понимают. Не умеют.

— Я понимаю. — шепчу я, и это звучит как признание в бессилии. Но понимать — не равно принимать. Понимать —

не значит признать и смириться.

Гуля возвращается к столу, ставит передо мной разделочную доску и пододвигает миску.

— Давай. Нарежем. Разговоры разговорами, а дело не ждет, — протягивает она нож. — Вечером придут люди, и им все равно, что у нас в доме творится. Им подавай салаты, горячее, да чтобы все было как надо. А ты... ты хоть делом займись.

Я киваю, потому что у меня нет сил спорить.

Беру нож, беру огурец, и руки у меня трясутся так, что лезвие ходит ходуном, срез получается неровным, слишком толстым, и мне хочется швырнуть этот нож, расплакаться, убежать наверх, закрыться в спальне и не выходить.

Но я стою. Режу. Слезы капаят на доску, и я злюсь на себя за это, потому что это выглядит жалко. Я правда стараюсь резать аккуратно, но получается крайне неровно.

Откладываю нож и прижимаюсь ладонями к столешнице, чтобы не упасть. Гуля не делает замечаний, не смотрит осуждающе. Она просто стоит рядом со мной, и это сейчас, кажется, единственное, что не дает мне окончательно расклеиться.

— Может, Алиян Исмаиловна не это имела в виду, — снова пытается Гуля, словно ищет лазейку, через которую меня можно вытащить. — Может, она просто...

— Нет. Она имела в виду именно это, — перебиваю я хриплым, чужим голосом. — Она так сказала. Смотрела на

меня... и говорила так, будто я виновата. Будто я нарочно. Будто я специально не рожая, назло.

Я снова беру нож, снова режу, и внутри поднимается такая острая обида, что хочется кричать.

Она же знает. Она же видела, как я переживаю. Она же слышала, как я по ночам разговаривала с Адилем, плакала и просила прощения за то, что не могу изменить этого. Она же видела мои таблетки, мои анализы, мои визиты к врачам, мои попытки держаться. Она знала, насколько это болезненная тема.

И все равно ударила именно туда. Именно туда, где у меня нет защиты.

— Гуля... — выщипываю я тихо, почти беззвучно. — За что? Просто за что? Неужели я такая плохая? Неужели я правда не достойна быть частью их семьи?

Нож снова соскальзывает, ломает ломтик пополам, и я смотрю на эти неровные кусочки как на доказательство своей беспомощности. Откладываю нож. Беру снова. Откладываю. Беру. Продолжаю резать.

Потому что если остановлюсь, то останусь один на один с этой мыслью, и она меня доконает.

Дорогие читатели, рада приветствовать вас в своей новой эмоциональной истории о девушке с непростой судьбой.

Как вам начало? Буду рада получить ваш отклик в виде комментариев и лайков. Ваша активность - моя лучшая награда.##

Также не забывайте добавлять книгу в библиотеку, чтобы не потерять.##

Глава 4

Мария

Я поднимаюсь наверх уже под ночь, когда ресторан закрыт, а все дела по готовке и уборке закончены. Ноги тяжелые, тело устало, будто я прожила без сна не один день, а сразу несколько.

На той кухне, после всех разговоров и слез мне кажется, что я оставила там частичку себя, прямо на той разделочной доске, среди овощей и контейнеров, в сочувствующих объятиях Гули, в попытках удержаться чтобы не рухнуть в пропасть.

Но я все равно возвращаюсь в спальню, потому что идти больше некуда. Дом теперь кажется мне таким жестоким, а я в нем — словно чужая тень, которая старается не мешать, не попадаться на глаза его хозяйке, не напоминать о себе.

Я закрываю за собой дверь и остаюсь одна, и это одиночество тут же обрушивается на меня всей своей тяжестью, потому что именно здесь, в комнате, мне не за что спрятаться.

Нет ни работы, ни ножа в руках, ни чужого голоса рядом. Есть только я и мои мысли.

Я беру телефон, смотрю на экран, и сердце снова сжимается.

Час назад я написала Адилю сообщение. Обычное, короткое: «Ты скоро?» или даже не так, уже не помню, потому что

тогда у меня дрожали пальцы, и я просто хотела почувствовать, что он где-то рядом, что он не исчез.

Но ответа не было. Его и сейчас нет. Мой телефон молчит.

Я обновляю переписку, смотрю туда снова и снова, как будто от этого что-то изменится, как будто сообщение волшебным образом появится само собой.

Но нет. Ничего. И в груди нарастает странное беспокойство, которое я пытаюсь подавить, потому что привыкла ему доверять.

Я настолько ему доверяю, что даже не спрашиваю, куда он едет, когда уезжает. Я правда ничего не смыслю в его делах. У него там поставки, запчасти, какие-то встречи, разговоры, которые для меня звучат как что-то из другой реальности.

Я всегда думала, что мне и не надо в это лезть. Он мужчина, он глава семьи, он решает. А я рядом, я опора, я дом, я жена. Я помогаю здесь, в ресторане, делаю всё, что могу, чтобы быть полезной. Я стараюсь быть женщиной, которой можно гордиться.

И всё равно... всё равно оказывается, что этого недостаточно. Теперь это стало для меня особо очевидно после всех сказанных слов свекрови.

Я опускаюсь на край кровати, телефон остается в руке, и взгляд сам собой цепляется за фотографию на заставке. Мы с ним обнимаемся. Я помню тот день, помню, как он смеялся, как смотрел на меня своими бездонными глазами, такими искренними, такими честными. Тогда мне казалось, что в

этом взгляде нет места предательству, нет места сомнениям.

Я смотрю на его лицо и снова и снова убеждаю себя: ему никто, кроме меня, не нужен. Я это знаю. Я чувствую это всем сердцем. Он никогда не поступит со мной так, как поступила его мать. Он никогда не позволит другой женщине войти в нашу жизнь. Он любит меня. Он выбрал меня. Это должно что-то значить.

Но почему же тогда мне так больно? Почему слова Алии продолжают звучать у меня в голове, как будто она стоит рядом и повторяет их вновь и вновь? «Неудачная». «Не родишь ты — родит другая». «Двое — это не семья», «Сожительница».

Я закрываю глаза, и мне кажется, что эти фразы въедаются в меня, как клеймо, как приговор, который я не могу оспорить.

Я ведь не виновата. Правда не виновата. Я бы все отдала, чтобы у нас был ребенок. Я бы отдала все свои силы, свою молодость, свою жизнь, лишь бы однажды услышать, что внутри меня растет новая жизнь. Я мечтала об этом так давно, что иногда мне казалось, будто это станет самым естественным продолжением нашей любви.

Мы поженились, построили дом, стали семьей... и дальше должен был появиться малыш. Так у всех. Так правильно. Так и должно быть.

Но оказывается, жизнь не обязана быть справедливой.

Я вспоминаю больницы. Белые коридоры, запах лекарств,

чужие безжалостные лица врачей, которые внимательно смотрели сквозь меня, нехотя задавая вопросы и делая какие-то пометки.

Я вспоминаю анализы, ожидание их результатов, это мучительное время между надеждой и страхом. Мне говорили, что я здорова. Что все должно получиться. Что иногда нужно просто подождать. «Не переживайте, вы молодая женщина, все успеется».

Эти слова тогда звучали как утешение, но теперь они кажутся пустыми. Потому что идет время, а ничего не меняется. Потому что каждый месяц превращается в новую маленькую смерть надежды. Потому что я улыбаюсь Адилю, делаю вид, что все хорошо, но внутри каждый раз что-то ломается, когда я снова понимаю: нет.

И я не понимаю за что.

Почему у кого-то получается сразу? Почему кто-то даже не думает об этом, не мечтает, не молится, а просто живет своей жизнью и вдруг узнает про беременность, которая приходит сама собой, как подарок, как случайность.

А я... я хожу по врачам, стараюсь, жду, надеюсь и верю, плачу по ночам, и все равно ничего.

Это несправедливо. Это настолько несправедливо, что иногда мне хочется кричать, биться головой о стены, спрашивать у всевышнего: почему именно я? Что я сделала не так? За что мне это испытание?

Я встаю с кровати и подхожу к зеркалу, тому самому, в ко-

торое мы с Адилем улыбались с утра. Еще в тот момент, совсем недавно я была счастлива, тогда я верила, что всё впредь.

А сейчас я смотрю на себя и вижу опухшее лицо, красные глаза, усталость, из-за которой я выгляжу нелепо. Мне не хочется видеть себя такой. Не хочется признавать, что меня так легко сломить словами.

Я отворачиваюсь, потому что мне стыдно. Потому что я чувствую себя слабой. Потому что я чувствую себя маленькой девочкой, которую отчитывают за то, что она не справилась с чем-то таким простым, но непосильным для меня.

Я в сотый раз беру в руки телефон. Тишина. Ни звонка, ни сообщения. Адиль всегда мне отвечал. Даже коротко. Даже одним словом. А сейчас ничего нет.

И тревога моя нарастает с геометрической прогрессией. Пытаюсь успокоиться, найдя логические объяснения. Может, он в дороге. Может, у него действительно дела. Может, он на важной встрече.

Я пытаюсь придумать хоть какое-то оправдание, потому что иначе мне станет еще хуже. Мне и так худо. После сегодняшнего дня мне страшно оставаться одной в этом доме, где обо мне могут говорить за моей спиной, где меня могут унижать, где мне напоминают о моей боли, как о преступлении.

Я ложусь обратно на кровать, укрываюсь одеялом, но легче не становится. Внутри все напряжено.

Я жду его шагов, звука машины за воротами, любого знака, что он вернулся. Я думаю о том, как бы мне хотелось, чтобы он пришел и сказал: «Не слушай ее. Все будет хорошо».

Я бы хотела, чтобы он обнял меня, чтобы я почувствовала, что я не одна против этого мира, против этих традиций, против этой несправедливости.

Я закрываю глаза, и слезы снова катятся по щекам.

Думаю о ребенке. О маленьких ручках, о голосе, который мог бы назвать меня мамой. Представляю, как Адиль держит малыша на руках, как он улыбается, как в его глазах появляется другое счастье.

Почему мне это не дано? Почему моя любовь должна быть неполной? Почему я должна жить в страхе, что меня заменят, что я стану запасной, что мое место в семье зависит от того, смогу ли я родить? Вот почему?!

Часы идут. Ночь сгущается. Я уже не знаю, сколько времени прошло. Телефон по-прежнему молчит.

И я понимаю, что сегодня не получу ответа ни от жизни, ни от судьбы, ни даже от собственного мужа.

Глава 5

Мария

Я не знаю, сколько времени прошло.

Часы на тумбочке светятся блеклыми цифрами, но я перестаю их различать.

Ночь тянется бесконечно, и каждый новый отрезок времени кажется издевательством.

Я лежу, то закрываю глаза, то снова открываю, всматриваюсь в темноту, словно в ней может появиться ответ, словно в ней может появиться Адиль.

Я безнадежно жду его шагов, звука машины, скрипа ворот, хоть какого-то знака, что он наконец дома.

Мне так важно сегодня с ним поговорить, так важно хоть что-то от него услышать, потому что я одна не справлюсь с тем, что узнала от его матери. Мне кажется, что если он придет, если просто скажет, что все будет хорошо, что он со мной, то я справлюсь. И мне это вернет равновесие. Но тишина продолжается.

За это время я звонила ему несколько раз. Может, пять. Может, больше. Я сбилась со счета.

Сначала пыталась держаться, не выглядеть встревоженной женой, которая дергает мужа по пустякам.

А потом уже не могла остановиться. Внутри рос страх. Не только за него, а за нас. За то, что сегодня между мной и его

семьей пролегла пропасть, и мне нужно, чтобы он стал моей опорой, моим человеком.

Мне было так важно, чтобы он приехал и сказал: «Мама не права». Чтобы он увидел мои слезы и понял, что мне больно. Чтобы он поговорил со мной. Но ничего этого нет.

Под утро я уже почти проваливаюсь в спутанное забытие, когда слышу звук открывающейся двери.

Сначала мне кажется, что я ослышалась. Потом шаги становятся очевидными. Шлепающими. Тяжелыми. Я приподнимаюсь на локте, сердце мгновенно начинает биться чаще, и меня охватывает облегчение, почти радость: он пришел. Наконец-то.

Но радость угасает в ту же секунду.

Адиль, пошатываясь, входит в спальню. В темноте я вижу его силуэт, но он не выглядит так, как обычно.

Я включаю прикроватный светильник и подробнее оглядываю мужа. Он словно чужой. Рубашка мятая, ворот растянут, волосы растрепаны. Он идет не ко мне, а просто бредет вперед, как человек, который не может контролировать свое тело.

— Адиль?.. — шепчу я.

Он что-то бурчит себе под нос, недовольно, раздраженно, словно ему мешает сам факт моего присутствия. Я не разбираю слов. Это даже не ответ. Это просто набор звуков.

И вот он падает.

Прямо так, в одежде, в ботинках, лицом в подушку, слов-

но ему все равно, где он находится. Словно ему все равно, что я здесь.

Я сижу на кровати, не шевелясь, и внутри поднимается такая острая обида, что мне хочется ударить его, закричать, вытолкать за дверь.

Почему именно сегодня? Почему именно в ту ночь, когда мне так нужно было с ним поговорить? Почему именно тогда, когда я на грани, он приходит вот так?

Я наклоняюсь к нему и чувствую резкий запах перегара, от которого меня тут же передергивает.

— Что случилось? — сдержанно узнаю я, хотя внутри все дрожит от злости и боли. — Почему ты так напился?

Он снова что-то мычит, раздраженно, как будто я ему надоела. Как будто я не жена, а случайная помеха. Муха, от которой нужно отмахнуться.

Я сглатываю, потому что к горлу снова подступает ком.

Я ждала другого. Я ждала, что он войдет, посмотрит на меня, спросит, почему я плакала. Я ждала, что он хоть что-то скажет. А он просто рухнул. Без объяснений, без вопросов, да даже без элементарного «Привет, дорогая». Без всего.

Адиль, блин...

Я заставляю себя подняться. Подхожу к нему, беру за плечо. Он тяжелый, огромный, как медведь. Я пытаюсь приподнять его, но он только сильнее вдавливается в подушку и становится неподвижным.

— Хотя бы обувьними... — бурчу я скорее себе, чем

ему.

Муж снова недовольно ворчит неразборчивым для меня языком, а мне хочется расплакаться от бессилия.

Я опускаюсь на колени у кровати и начинаю стягивать с него ботинки. Шнурки запутались, пальцы плохо слушаются. Я тяну, дергаю и наконец снимаю один ботинок, потом второй. Его носки грязные, с неприятным ароматом.

Это так неприятно и нелепо, так не похоже на моего Адила, который всегда был опрятным, чистым, выглаженным, с иголочки одетым.

А сейчас...сейчас он просто...пьяный мужлан, который завалился грязным в кровать, даже не посмотрев в мою сторону.

Я пытаюсь стянуть с него рубашку, но он отбредывается матом, отмахивается, будто я делаю ему больно.

— Ладно... ладно, — отстаю я, сдаваясь.

Я правда пыталась расстегнуть ему ремень, стянуть штаны, потому что все его вещи насквозь пропахли табачным дымом и перегаром, но он слишком тяжелый.

И я просто сдаюсь. Я не могу. Я злюсь на себя за то, что не могу поднять собственного мужа. И злюсь на него за то, что он довел себя до такого состояния.

Я выпрямляюсь, стою рядом, смотрю на него.

Мой хороший... что с тобой?

Почему ты сегодня такой?

Почему ты не со мной?

Он пускает слюни на подушку, что-то бормочет, и это выглядит унижительно.

Не только для него. Для нас. Для нашей семьи, которая сегодня должна была держаться вместе, а вместо этого дала еще одну трещину.

Я медленно ложусь рядом, осторожно, будто рядом чужой человек. Глажу его по плечу, как утром, но это уже другое прикосновение. Тогда было тепло и любовь. Сейчас же усталость и обида.

— Ладно, завтра все расскажешь... — протягиваю я сама себе, потому что ему уже однозначно всё равно. — Может, был повод. Может, что-то случилось.

Я пытаюсь его оправдать, потому что иначе мне будет еще больнее.

Я люблю его. Правда люблю.

Даже сейчас, когда мне неприятно, когда мне обидно, когда мне хочется кричать: «Почему тебя не было рядом?»

Я отворачиваюсь, спасаясь от его удушающего перегара. Потому что мне тяжело лежать лицом к нему. Я смотрю в окно. Там начинает светлеть. Скоро рассвет.

А у меня внутри рассвета нет.

Я лежу рядом с ним и думаю о том, как все было бы по-другому, если бы у нас уже был ребенок.

Если бы я только могла прижать к себе маленькое тельце, если бы в доме звучал детский смех, если бы свекровь не называла меня как пустым местом. Если бы Адиль возвращал-

ся домой не пьяным и чужим, а счастливым отцом, который спешит к семье.

Я ведь буду хорошей матерью. Я это знаю. Я буду любить своего ребёнка так, что мир вокруг станет другим. Почему мне не дается это счастье?

— Почему?.. — шепчу я в темноту, чувствуя, как слезы снова катятся по лицу. — Почему у меня не получается?..

Ответа нет.

Адиль лежит рядом тяжелым грузом, истошно храпит, а между нами не подушка, а как-будто целая пропасть.

И я понимаю, что сегодня я осталась одна.

Даже рядом с мужем.

Глава 6

Мария

Не знаю, как мне вообще удалось заснуть. Это даже засыпанием трудно назвать, скорее провал в небытие. Мысли метались, цеплялись друг за друга, возвращались к одним и тем же словам, к одному и тому же «бракованная», к его мятой рубашке, к запаху перегара.

Я ворочалась, то поворачивалась к Адилю, чувствуя рядом его тело в отключке, его запах перегара, смешанный с табаком и чужим парфюмом, то отворачивалась, поджимала колени к груди, словно так можно было защититься от всего разом.

Мне казалось, что эта ночь никогда не закончится. В голове всплывали слова его матери, ее взгляд, ее уверенность в ее посыле. Потом безразличное падение мужа на кровать. Потом снова ее голос. И так раз за разом. Я правда пыталась прогнать эти мысли, но они возвращались.

В какой-то момент усталость все же взяла свое. Я закрыла глаза, но не потому, что стало легче, а потому, что не осталось сил держать их открытыми. И провалилась в сон.

Просыпаюсь в холодном поту, как после самого жуткого сна. Открываю глаза и понимаю, что я уже одна.

Первое ощущение — пустота рядом. Я машинально поворачиваюсь к тому месту, где должен быть Адиль, прово-

жу ладонью по простыне. Она прохладная. Его нет. Я резко подскакиваю с места, словно надеясь, что это ошибка. Нет. Кровать действительно пуста.

Смотрю на часы. Рано. Слишком рано, чтобы он уже уехал. Сердце начинает биться чаще. Он проснулся раньше меня? Он вообще помнит, как пришел? Помнит, как я снимала с него обувь? Помнит, что я ждала его до утра?

Мне нужно встать. Мне нужно его найти. Мне нужно понять, в каком он состоянии. Наверное, у него раскалывается голова. Может, ему плохо. Может, ему стыдно. А может... может, ему все равно.

И мне нужно с ним поговорить.

Я больше не могу держать это в себе. Я должна сказать ему, что слышала. Должна спросить, почему его мать считает меня ошибкой. Должна узнать, что он думает. Я хочу высказать все, что накопилось за этот день. Каждую обиду, каждую слезу, каждое «почему».

Я встаю с кровати, накидываю халат, дрожащими пальцами завязываю пояс. Внутри напряжение, как перед экзаменом или приговором в суде. Выхожу в коридор и уже собираюсь спуститься вниз, как вдруг слышу голоса.

Они звучат слишком неприкрыто. Слишком громко, чтобы я смогла это не заметить или пропустить мимо ушей.

Я замираю.

Она снова за свое. Она вцепилась в меня и, кажется, отступать не планирует.

Я сразу узнаю голос свекрови. Резкий, настойчивый, напористый. И его...ниже, глуше, сдержаннее.

Я медленно подхожу к лестнице и начинаю спускаться, стараясь ступать тихо, чтобы себя не выдать. С каждой ступенькой внутри все сильнее сжимается. Я не хочу снова это слышать. Но уже слышу.

— Тебе нужна вторая жена, — произносит его мать таким тоном, словно обсуждает покупку новой машины.

У меня перехватывает дыхание. Пальцы впиваются в перила.

— Да хватит. — отмахивается словесно Адиль. — Зачем она мне?

Его голос звучит раздраженно. Он не поддерживает ее. И это первое, что удерживает меня от того, чтобы сорваться вниз и закричать.

— Адиль, ты не понимаешь, — продолжает гнуть Алия свою линию. — Люди могут подумать, что это ты какой-то не такой, а не невестка. Тебе ещё не хватало опозорить самого себя. И так уже достаточно.

У меня внутри все переворачивается. Позорить? Теперь это так называется? Я теперь позор?

— Мама, хватит, молю тебя. — снова слышу его голос. Уже жестче. Короче.

Но она не останавливается. Она продолжает говорить обо мне. О том, что два года — это слишком для нее. О том, что род должен продолжаться. О том, что так жить нельзя.

Каждое слово долетает ударом в грудь.

Мне так больно, что, кажется, уши сворачиваются в трубочку, будто тело пытается защититься, не слышать этого. Но я слышу. Все слышу.

Я стою на лестнице и не двигаюсь. Я могла бы спуститься. Зайти в комнату. Сказать, что я здесь. Спросить прямо. Но я не двигаюсь.

Потому что слушаю его.

Он не соглашается. Он не говорит «да». Он ее не поддерживает.

Он повторяет:

— Мне это не нужно.

И только это удерживает меня на месте. Только это помогает держать баланс.

Если бы он согласился... если бы он хоть на секунду задумался... я бы, наверное, не выдержала.

Она снова что-то талдычит, повышает голос, давит на него. Я уже не различаю отдельных слов, только общий смысл: я — проблема. Я — неудача. Я — препятствие.

А он устало отвечает все тем же тоном:

— Мама, прекрати.

Я чувствую, что он на грани. Что ему тяжело. Что он не хочет этого разговора. Хочет сбежать от нее. Я понимаю, что он не собирается ничего менять.

Не собирается искать вторую жену. Не собирается меня предавать. Не собирается...

И в этот момент для меня это важнее всего.

Я тихо разворачиваюсь и поднимаюсь обратно наверх. Ступенька за ступенькой. Ноги ватные. В ушах остается лишь гул. Руки мокрые, пальцы дрожат.

Я захожу в спальню и закрываю за собой дверь. Подхожу к кровати и падаю на нее без сил. Меня трясет. Как осиновый лист трясёт.

Я прижимаю ладони к груди, пытаюсь унять дрожь, но ничего не выходит. Всё тело словно в напряжении, которое никак не спадает.

Он не согласился.

Он не согласился.

Я повторяю это про себя, как молитву, как единственное спасение.

Но это не отменяет того, что его мать готова заменить меня. Не отменяет того, что для них женщина без ребёнка — это временная версия. Демо. Черновик.

Я слышу его шаги в коридоре.

Сердце снова учащает ритм. Я быстро ложусь, натягиваю на себя одеяло и закрываю глаза. Делаю вид, что сплю.

Но внутри бушует ураган.

Мне все равно нужно с ним поговорить.

Я больше не могу молчать.

Глава 7

Мария

Я слышу шаги мужа за несколько мгновений до того, как открывается дверь. Сердце сразу сжимается, будто меня застали за чем-то запретным.

Я лежу на боку, одеяло натянуто до самого подбородка, и делаю вид, что ещё сплю. Мне страшно открыть глаза. Страшно начать разговор. Страшно услышать, что эти ужасные слова его матери для него не просто слова. Что он солидарен с ними.

Дверь распахивается и Адиль входит. Я поворачиваюсь к нему, стараясь выглядеть не расстроенной, не заплаканной, не растерянной.

— Доброе утро, — произношу первой.

Мне важно услышать его голос. Хоть одно простое слово. Но он только кивает. Сухо. Коротко. И проходит мимо меня к шкафу.

Я лежу и смотрю на его спину. Он достаёт рубашку, надевает её, застёгивает пуговицы. Смотрит в зеркало. Но на меня нет. И от этого внутри начинает неприятно тянуть. Я знаю его слишком хорошо, чтобы не видеть: он напряжен. Его движения чуть резче привычных, плечи зажаты, лицо сосредоточенное. Он будто уже весь в делах, уже вне этой комнаты, вне меня.

— Ты как? Что-то случилось? — спрашиваю я.

Он не отвечает. Делает вид, что полностью поглощен запонками. Я вижу, как он вставляет их в манжеты, как раздраженно сжимает губы, когда не попадает с первого раза. И понимаю, что он точно нервничает. И это не просто из-за работы.

У меня в горле встает ком. Я чувствую его физически. Чувствую, как он давит. Мне правда страшно начинать этот разговор. Страшно сказать, что я слышала. Потому что если он вдруг скажет, что мать права... я не знаю, как жить дальше.

Я сажусь на кровати, свесив ноги на пол. Ладони влажные. Хочется снова лечь и сделать вид, что я ничего не знаю. Но я не могу.

— Адиль... — произношу я едва слышным голосом. — Я слышала ваш разговор с мамой.

Он на секунду замирает. Я вижу это в зеркале. Его взгляд чуть меняется, но он не поворачивается.

— Она недовольна тем, что я никак не рожу, — продолжаю я. С каждым словом внутри всё сжимается сильнее. — Я всё слышала.

Пауза.

Муж продолжает поправлять манжеты.

И вдруг бросает, не глядя на меня:

— А кто бы был доволен?

Я не сразу понимаю, что он сказал. Будто мозг отказыва-

ется принимать смысл. Я смотрю на его отражение и пытаюсь найти в лице хоть намек на шутку, на смягчение, на то, что он оговорился.

Но его лицо слишком серьезное для шутки. Слишком хмурое.

И в этот момент внутри у меня всё ухает вниз. Как будто пол под ногами начинает уплывать.

Я боялась этого. Боялась услышать, что он думает так же. Что он ее поддерживает. Что для него это тоже разочарование, которое он просто не озвучивал раньше.

— Адиль... ты что такое говоришь? — все же не отступаю я.

Я упираюсь босыми ногами в пол, стараясь хоть как-то удержаться морально, но в этот момент мне уже начинает казаться, что я вдруг стала лишней в этой комнате. Что меня можно заменить. Что моё место зависит от того, смогу ли я родить ему ребёнка.

Я смотрю на него и понимаю: сейчас решающий момент. Либо он скажет, что сорвался. Либо подтвердит самое страшное.

И я боюсь услышать продолжение.

Он будто сам понимает, что сказал лишнее. Это видно не по каким-то громким жестам, а по мелочам: как он резко отвёл взгляд, как дёрнул манжету, как будто ему самому неприятно от своих слов.

— Маш... всё. Прости. Хватит её слушать. Она старой за-

калки человек. Традиции у нее и все такое. Я тебе говорил и буду говорить, у нас всё будет. Все получится. Просто сейчас такой период...сам на нервах весь. На иголках.

Я смотрю в его глаза и не вымолвить ни слова. Внутри всё сжимается. Его фраза «а кто бы был доволен» продолжает солировать в голове. Она не стирается словом «прости». Она уже залезла подкорку. Уже осела во мне.

И в этот момент меня накрывает мысль, от которой становится еще страшно: а вдруг он правда так думает? А вдруг её разговоры делают своё дело? А вдруг он просто не решается сказать мне это напрямую? Может, он тоже устал. Может, ему тоже надоело ждать. Может, он уже сомневается во мне.

Меня будто лупят изнутри. На грудь словно цепь повесили. Хочется спросить его прямо: может ты правда мной доволен? Ты правда считаешь, что я не справляюсь? Но язык не поворачивается. Я боюсь услышать честный ответ.

Боюсь, что более он не станет извиняться. Что скажет это ещё раз, уже не отведя глаз. Скажет отрешенно, как его мать. И тогда я пойму, что это не случайная фраза, а его истинное мнение.

Но тут Адиль подходит и целует меня в лоб. Я прижимаюсь к нему. Потому что не хочу, чтобы он уходил на работу с раздражением. Не хочу ещё одной трещины между нами.

Я глотаю обиду. Прямо так, ничем не запивая. Она стоит в горле, но я заставляю себя проглотить.

Провожу рукой по его спине. Все больше хочется убедить-

ся, что он тут, что он мой. Что он не начинает смотреть на меня взглядом Алии.

Мне вообще страшно от того, что её мысли могут звучать в его голове. Страшно, что она так легко заявляет о второй жене. И ещё страшнее, что однажды он может хотя бы на секунду задуматься об этом всерьез.

Я смотрю на него и понимаю, что нужно просто выдохнуть, но не промолчать не выходит. Внутри уж слишком много всего накопилось за эту ночь. Наболело.

— А что ты вчера пил? И где был? Я звонила тебе, много звонила.

Адиль отвечает тут же, не мешкаясь.

— Переговоры были. Засиделись. С этими увальнями решить вопрос можно только через бутылку. Телефон выключить пришлось, сама понимаешь...

Я слушаю и в голове сразу всплывает ночь. Как я пыталась дозвониться. Как нервничала. Как переживала. Как пыталась не накручивать себя. Как убеждала себя, что он взрослый мужчина, что всё нормально. И как в итоге просто лежала и плакала, чтобы никто не слышал.

Мне хочется выкрикнуть: «Я ведь ждала тебя». Хочется сказать: «Ты же мог хоть как-то предупредить, хоть смс». Хочется спросить: «Ты хоть подумал обо мне?» Но я не говорю. Потому что боюсь показаться навязчивой. Боюсь выглядеть истеричкой. Боюсь, что он скажет: «Ну что ты начинаешь то».

— Сейчас оденусь и провожу тебя, — ласково протягиваю я, хотя внутри все еще кипит в свете последних событий.

— Ок. Буду ждать внизу, — улыбается он.

И я смотрю на эту улыбку и думаю, что он даже не знает, как мне было вчера. Он не видел, как я сидела на кровати и стирала слёзы. Не знает, как я слушала тишину и чувствовала себя никому не нужной.

Не помнит, как пыталась стянуть с него ботинки, привести его в человеческий вид, а он лишь отбрыкивался от меня рукой, дыша в лицо своим едким перегаром.

— Хорошо, — отвечаю я.

Я иду одеваться и еще не подозреваю, что казалось бы этот казус с утра в виде их разговора был лишь безобидными цветочками на фоне ягодок, которые дожидались меня вечером.

Глава 8

Мария

День пролетает с невероятной скоростью. Я с утра ни на минуту не присела.

Сначала помогаю Гуле с заготовками — чищу и режу овощи, складывая в контейнеры, перебираю ягода, слушаю ее ликбез по лучшей в мире шурпе.

Потом возвращаюсь домой. Мою полы, несколько раз меняю воду, чтобы в доме было чисто до блеска. Запускаю стирку, развешиваю белье, глажу Адилю рубашки — одну за другой, аккуратно проводя утюгом по ткани, разглаживая каждую складочку.

Поливаю цветы в гостиной, в коридоре, в спальне. Проверяю, не осталось ли где пыли. Я двигаюсь без остановки, словно пытаюсь занять себя до предела, чтобы не возвращаться мыслями к утру и ночи.

Ближе к вечеру я ловлю себя на мысли, что хочу сделать что-то для нас. Не для дома, не для его матери, не для ресторана, а для нас с мужем. Хочу пригласить Адиля на романтический ужин. Может быть, зажгу свечи. Может быть, приготовлю что-то из его любимых блюд. Просто сяду напротив него и поговорю. Без посторонних ушей, без лишних эмоций и криков.

Написала ему сообщение. Короткое. Ничего лишнего. Но

ответа нет. Возможно, он снова занят. Работа. Я убеждаю себя не накручивать.

Останавливаюсь на кухне и впервые за день опускаюсь на стул. Минута тишины. Ноги гудят. Руки, собственно, тоже. Да... просто посидеть в тишине уже роскошь. Но я закрываю глаза, позволяя себе этот короткий отдых.

И в этот момент я замечаю, как в дом проходят две женщины. Точнее их три. Просто одна из них моя свекровь, ее не будем считать. А вот с ней...

Одну я узнаю сразу, подругу Алии Исмаиловны. Часто бывает у нас. Шумно говорит, шумно смеется, смотрит цепко. А вот вторая, в красном костюме, мне незнакома. Я ее раньше не видела в нашем доме. Они проходят мимо меня так, будто я часть интерьера. Даже не кивают. Направляются в сторону гостиной.

Я тут же поднимаюсь. Надо предложить чай или кофе. Нельзя, чтобы подумали, будто я не умею встречать гостей. Поправляю платок, выпрямляю спину и иду за ними.

В коридоре уже слышны голоса. Веселые присказки, оживленный тон моей свекрови. Она смеется, что-то говорит, явно в приподнятом настроении.

— Ну здравствуй! Здравствуй! Присаживайся!

Я замедляю шаг. Сердце почему-то начинает биться чаще. Не знаю почему. Просто чувствую, что это не обычный визит.

И вдруг раздается ее резкий командный голос:

— МАША! А ну иди сюда.

Тут же в висках начинает стучать, в груди жечь, но я все равно держу спину прямо. Подхожу ближе и ловлю на себе тяжелый, изучающий взгляд Алии Исмаиловны. Она смотрит так, будто я ее личная обслуга.

— Кофе? — спрашиваю я первой, чтобы не дать ей начать.

— Ага.

Коротко. Без лишних слов

Я быстро иду на кухню, включаю плиту, насыпаю кофе в турку, стараясь не расплескать воду, не обжечься и не выдать дрожь в руках. Через пару минут поднимается горький, густой аромат. Я раскладываю на подносе сладости, аккуратно ставлю чашки, выравниваю их, словно от этого зависит моя судьба. И все это время спиной чувствую на себе их взгляды — скользящие, оценивающие, насмешливые.

Подхожу, ставлю чашки на стол. Не успеваю отойти, как свекровь продолжает:

— Слушай, принеси тогда уж нам и коньячку из подвала. Какого-нибудь хорошего. Выдержанного. Разберешься хоть?!

— Разб... — пытаюсь выжать из себя я.

— Рюмки и закуски организуй. И побыстрее.

Я киваю. Что еще мне остается?

Спускаюсь в подвал по холодным ступеням и только там позволяю себе на мгновение выдохнуть. В темноте погреба пахнет сыростью и старым деревом. Я стою между стеллажей

и думаю только об одном: лишь бы выбрать «подходящий» коньяк. Лишь бы не дать им повода для новых насмешек.

Почему мне так не по себе от их взглядов? Словно я в этом доме лишняя. Словно на мне что-то написано. В коридоре я мельком смотрю на свое отражение в зеркале. Лицо как лицо. Волосы собраны. Макияж скромный. Ничего вызывающего. Подхожу ближе, словно ищу на коже пятна, грязь, следы унижения. Да нет. Все нормально.

И тут я слышу.

— Да эта Машка только и годится, что прислуживать на кухне да кофе варить! — восклицает свекровь.

Смех.

— И тот невкусный. — подхватывает Роза Альбертовна.

— Согласна, хуже кофе я не пила. Руки не из того места растут. И в каждом деле так!? — вступает третья женщина.

Я замираю. Каждое слово — как пощечина. Крепче сжимаю бутылку, чтобы не уронить. В груди одновременно разгорается злость и отчаяние. Я медленно поднимаюсь по ступенькам, чтобы не ворваться туда с криком.

— Уверена, твоя Мадина готовит в тысячу раз вкуснее, — замечает Алия Исмаиловна. — Да и невесткой она мне будет куда лучше.

Да как она смеет все это говорить, в самом деле... Сердце в груди тяжело бьется.

Я вхожу в комнату с подносом, ставлю на стол рюмки, сырно-мясную тарелку, коньяк. Я улыбаюсь, хотя внутри все ки-

пит, и мне стоит огромных усилий не вылить на них всю бутылку.

— Слышишь, Мария, — ухмыляется Алия, откидываясь на спинку кресла. — Познакомься с Альфией. Скоро она будет часто бывать в нашем доме. Адиль женится на ее дочери.

Глава 9

Мария

Она шутит что ли опять?! Или...

У меня внутри все сжимается. Слова режут слух. Я стою, как школьница, которой делают выговор.

— Мы то думали, молодая, здоровая, — продолжает све-кровь. — А оказывается... не всё так просто. Значит, не каж-дая способна стать матерью.

Женщина в красном качает головой, словно сочувствуя. Но в глазах — интерес. Оценка.

— В наше время, — вступает в разговор она, — такие вопросы решались быстро. Если женщина не может родить, семья не должна страдать.

Я чувствую, как к щекам приливает кровь. Хочется возра-зить. Сказать, что я проверялась. Что со мной все в порядке. Что ребенок — это не товар, который можно потребовать по щелчку пальцев.

— Я хожу к врачам, — тихо произношу я. — Мы работаем над этим.

— Работаете, — усмехается свекровь. — Работают те, у кого есть результат. А здесь одни разговоры.

Смех. Негромкий, но озлобленный.

Меня словно раздевают на глазах. Даже не раздевают, а лишают достоинства. Они говорят обо мне так, словно меня

нет рядом. Словно я предмет. Бракованный товар.

— Может, дело не только в здоровье, — добавляет Роза.
— Может, характер не тот. Женщина должна быть мягкой, покладистой. Тогда и дом будет в порядке.

Я чувствую, как внутри поднимается протест. Характер? Я молчу уже два года. Я терплю. Я глотаю обиды. Я работаю в этом доме больше, чем кто-либо другой. И все равно этого недостаточно.

— Адилю тяжело, — не успокаивается Алия. — Молодой мужчина. Ему нужен наследник. А люди уже шепчутся.

Вот это большее всего. Не врачи. Не проверки. Люди.

Я стою и понимаю, что если сейчас заплачу, они выиграют. Если закричу, скажут, что я истеричка. Если уйду — скажут, что виновата и так мне и надо.

— Я люблю вашего сына, — на болезненном вдохе произношу я. — И ребёнок у нас будет.

— Любовью род не продолжишь, — отнекивается све-кровь.

Тишина повисает в комнате. Они смотрят на меня, как на задачу, которую нужно решить. Или устранить.

У меня не хватает слов, чтобы описать свои эмоции. Свое состояние после всего услышанного.

Я не брак. Я не пустое место. Я не приложение к фамилии. Но стою и молчу.

Потому что в этом доме решаю не я.

И именно это унижает меня больше всего.

Я продолжаю стоять, словно меня к полу приклеили.

Слышу каждое слово, каждую усмешку, но ноги меня не слушаются. В голове гул, в ушах шумит кровь. Мне кажется, что если я сделаю шаг, все вокруг рухнет.

Я даже не моргаю, просто смотрю на них и понимаю, что они говорят это всерьез.

— Ты вообще в курсе, что Адиль скоро женится на моей дочери? — вдруг произносит эта женщина..Альфия.

Эти слова звучат как удар. Я перевожу на нее взгляд и вижу, что она не смеется. Не шутит. Она говорит на полном серьезе, будто обсуждает погоду. И от этого становится еще страшнее.

Я смотрю ей прямо в глаза и не вижу в них сомнений. Но в голове тут же вспыхивает протест.

Нет. Это невозможно. Адиль на такое не способен. Он мой муж. Утром он стоял рядом со мной у зеркала. Он говорил, что у нас все будет. Он не может так со мной поступить.

Мне хочется закричать. Схватить чашку и швырнуть ее на пол. Перевернуть стол. Сделать хоть что-то, чтобы они поняли — я здесь. Я живая. Я слышу. Мне больно. Нельзя так со мной разговаривать, нельзя так играть моей жизнью.

— Ну если ты так наивно полагаешь, что мой сыночек до сих пор тебя любит, — продолжает Алия Исмаиловна, — то почему он домой не приезжает? Время то уже позднее. На часы хоть глянь.

Она медленно переводит взгляд на окно. Я тоже смотрю

туда. Смеркается. День клонится к вечеру. И тут до меня доходит, что он так и не ответил. Ни на одно сообщение. Снова ни одной галочки. Снова ни одного даже короткого «занят».

Тревога накрывает меня в момент. Сначала холодеют ладони. Потом начинает стучать в голове. А вдруг правда? А вдруг он не на работе? А вдруг он сейчас где-то... не со мной?

Нет. Нет. Я не могу в это поверить.

— Этого не будет! — говорю я, но мой голос звучит настолько робко, словно я уже сама не верю в это.

Я больше не могу здесь стоять. Я разворачиваюсь и иду к выходу. Не бегу, не срываюсь, просто ухожу. Если я останусь еще на минуту, то либо закричу, либо упаду.

В коридоре слезы сами наворачиваются на глаза. Я сжимаю губы, чтобы не разрыдаться в голос.

Да как же они так могут? Как они могут такое говорить? Как можно вот так, в лицо, рассказывать мне о второй жене? У него уже есть жена. Я. Я каждый день торчу в этом доме. Я работаю, стараюсь, терплю.

Я достаю из кармана телефон. Пальцы хаотично тыкают по экрану. Открываю переписку. Сообщение не прочитано. Господи, Адиль, где ты?

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри все рушится.

Я больше не могу это терпеть. Ни ее слов. Ни этих намеков. Ни его молчания.

Глава 10

Мария

Я сижу во дворе на ступеньках и никак не могу успокоиться.

В голове крутится одно и то же. Этот бред. Эти слова. «Женится на моей дочери». Да с чего они вообще это взяли? Адиль не такой. Он не способен вот так взять и перечеркнуть два года нашей жизни.

Ведь утром он стоял рядом со мной. Он обещал, что у нас всё будет. Он её не слушает. Он сам так сказал. Не будет плясать под её дудку.

Я повторяю это как заклинание.

Муж любит меня. Муж не слушает этот бред. У нас все будет хорошо.

Но чем дольше я тут сижу, тем меньше в это верю.

Потому что он не отвечает. Потому что вечер уже близок к ночи. Потому что сегодня я столько всего наслушалась, что голова идет кругом. Потому что впервые закрадывается мысль: а вдруг только я верю в нашу семью?

Я умываюсь крокодильими слезами, как ребенок. Растираю лицо ладонями, чтобы хоть как-то прийти в себя. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня такой. Не хочу, чтобы све-кровь вышла и увидела, как я реву из-за ее слов. Не достав-

лю я ей радости от того, что ее попытка меня подавить увенчалась успехом.

Мне просто нужно, чтобы он приехал. Чтобы поскорее вернулся, подошел ко мне, взял за руку и при всех этих женщинах сказал: «Хватит. Она моя жена». И все. Больше ничего. Мне не нужны оправдания. Мне не нужны громкие обещания. Мне нужно только одно. Чтобы он был со мной.

Я поднимаю голову в тот момент, когда мне вдруг в глаза бьют фары. Машина резво заезжает во двор. Я неожиданно выпрямляюсь. Это вроде не машина Адила. Точно нет. Какая-то обычная, неприметная.

Сердце начинает биться чаще. Кто это в такой час...

Поставок в ресторан сегодня не ждём. Да и подъезд к нему с другой стороны. Значит, это не по работе.

Я встаю со ступенек и иду навстречу. Машина останавливается прямо передо мной. Дверь открывается, выходит мужчина. Высокий. Светловолосый. Смотрит внимательно, словно оценивая.

Он подходит ближе.

— Вечер добрый. Вы хозяйка?

— Можно и так сказать, — замешкавшись отвечаю я. — А вы кто?

Он осматривает меня с ног до головы. Мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Мне нужен Адиль. Он здесь?

— Нет, — отвечаю быстрее, чем думаю. — А что случи-

лось? Я его жена.

Мужчина кивает, как будто принимает к сведению.

— Понятно. Мне нужен ваш муж. Я хотел бы с ним поговорить. Через сколько он подъедет?

— А вы вообще кто такой? — я уже начинаю нервничать.

— Меня зовут Николай. У меня к вашему мужу вопросы.

Вопросы.

Какие еще вопросы?

У меня внутри все холодеет.

— Какого характера? — спрашиваю я и чувствую, что напрягаюсь еще сильнее с каждым последующим вопросом.

— Это я уже с ним сам разберусь. Вы можете сказать, когда он будет?

Смотрю на этого человека и впервые за вечер забываю о словах свекрови.

Потому что теперь в голове поселяется другая тревога.

Неужели Адиль во что-то вляпался? Он же не мог. Хотя теперь я и не знаю. А вдруг...а вдруг что-то серьезное?

— Не знаю, — честно процеживаю мужчине.

С каждой секундой становится все тревожнее.

Он стоит передо мной и не уходит. Светлые глаза, внимательный цепкий взгляд. Слишком цепкий для человека, который приехал просто «задать вопросы».

Мне хочется позвать кого-нибудь. Свекровь, Гулю, хоть кого-нибудь. Но я вспоминаю, что в доме сейчас обсуждают

мою несостоятельность как жены. Подыскивают новую. Или вообще уже презентуют ее. Им явно не до этого.

А здесь только я...

Одна с чужим мужчиной, который приехал за моим мужем.

— Если это что-то срочное, вы можете сказать мне, — пытаюсь я взять себя в руки. — Я передам.

Он смотрит на меня ещё секунду, шмыгая носом.

— Мне нужно поговорить именно с ним.

Опять эта фраза. Именно с ним. Да что же такое?!

Я начинаю перебирать варианты. Долги? Бизнес? Какие-то проблемы? Почему он не отвечает? Почему его нет?

Да и мужчина этот не похож на его давнего знакомого или друга. Настрой у него явно недружелюбный.

Внутри нарастает неприятное чувство. Слишком много всего за один день. Сначала мать со своими словами. Потом тишина от мужа. Теперь этот человек во дворе.

Я стою и понимаю, что не знаю, как себя вести. Сказать ему, чтобы уезжал? Ждать? Закрыть ворота? Вдруг он вообще маньяк какой-то, бог его знает.

Мужчина вдруг делает шаг назад и возвращается к машине.

— Голубушка, подойдите ка сюда, — зовет он.

Я замираю.

Как-как он меня назвал?

Голубушка?

Не понимаю зачем. Не понимаю, почему должна. Но ноги сами делают этот шаг.

Может быть, потому что мне нужно знать.

Глава 11

Мария

— Подойди ка сюда, — говорит он и открывает дверь машины.

Я останавливаюсь возле автомобиля и на секунду теряюсь. Не понимаю, зачем он меня зовёт, и почему вообще разговаривает со мной так, будто мы давно знакомы.

В голове ещё гудят его слова про Адиль. Мне неприятно стоять рядом с этим человеком, но и уйти сейчас я почему-то не могу. Не выходит.

— Сядь. Минуту поговорим. Дверь можешь не закрывать, не бойсь. Телефон на зарядке, покажу кое-что.

Он уже садится за руль, словно уверен, что я всё равно выполню его просьбу. Я обхожу машину. В груди неприятно стучит сердце. Сама не понимаю, почему делаю это.

Открываю дверь с другой стороны и сажусь на край сиденья, оставляя дверь распахнутой. Мне важно знать, что я могу выйти в любой момент.

Он тянется к панели, снимает телефон с зарядки. Провод падает вниз. Несколько движений пальцами — и экран поворачивается ко мне.

— Это твой муж?

На фотографии Адиль.

У меня внутри на секунду всё сжимается. Странно видеть

лицо своего мужа сейчас, здесь, в чужом телефоне.

— Да... — отвечаю я. — Всё верно.

Он перелистывает фото. На экране появляется другой мужчина. Я его никогда не видела. Костюм, аккуратная стрижка, серьёзное лицо. Он сидит за столом и смотрит прямо в камеру.

Я смотрю на это фото и не понимаю, какое отношение этот то человек имеет к нам.

— А вот этот человек, — говорит блондин, — тот, кому он должен денег. И, так сказать, этому человеку, которому твой муженёк должен, очень не нравится, что он задерживает выплаты и пропадает.

Я сначала даже не понимаю смысл этих слов. Они будто проходят мимо меня. Я смотрю на экран, потом на этого мужчину рядом со мной. В груди разгорается тревога.

Должен денег?

Адиль?

Это звучит так нелепо, что я даже не могу сразу ответить. У нас ресторан. У нас работа. Всё всегда было под контролем. Откуда вообще могут взяться какие-то долги?

— Я пришёл, чтобы решить этот вопрос, — продолжает он. — Так сказать, не с той стороны, с какой ты подумала, а с другой. Моим друзьям не нравится то, что здесь происходит. И, думаю, тебе тоже.

Он кивает в сторону дома.

— Смотрю, домик у вас нормальный. В чём проблема?

Я смотрю на него и чувствую, как всё внутри начинает трястись. Руки холодеют. В голове одна мысль: он несет какую-то чушь.

Какие долги? У Адиля всё в порядке. У нас все в порядке. Ресторан. Мы работаем каждый день. Он не тот человек, который будет занимать деньги у каких-то людей.

Я снова перевожу взгляд на фотографию незнакомого мужчины, потом на блондина рядом со мной и не понимаю, о чём он говорит.

— Мой муж никому ничего не должен, — отодвигаю его телефон от себя. — Вы, наверное, ошиблись.

Он тяжело вздыхает, словно я только что сказала какую-то глупость, и смотрит мне прямо в глаза так, что я невольно выпрямляюсь.

От его взгляда становится не по себе. В этом взгляде нет ни сомнения, ни неловкости, ни попытки что-то объяснить мягче. Он смотрит так, будто знает больше меня и уверен в каждом своём слове.

— Как зовут тебя?

— Маша, — отвечаю я, и собственный голос кажется мне чужим.

Он кивает.

— Послушай, Маша, я не ошибаюсь. — снова поворачивает телефон экраном ко мне. — Вот этого человека нужно посадить в тюрьму. — он указывает на мужчину в костюме.

— А вот этого красавца проучить.

Он касается пальцем экрана, указывая прямо на лицо Адиля.

У меня в груди всё ухаёт. Я смотрю на фотографию, и у меня не укладывается в голове, что сейчас говорит этот человек.

— В смысле? Как это проучить?

— Вот так. Наказать его нужно за плохое поведение. Я так понимаю, и с тобой он тоже плохо ведет себя, раз не сказал, что задолжал.

Я пытаюсь что-то ответить, но слова застревают в горле. У меня внутри начинается настоящий хаос. Мысли бегут одна за другой и ни одна не складывается во что-то внятное.

Какие долги?

Откуда?

Ведь Адиль всегда говорил, что всё под контролем. Он никогда не говорил о проблемах, которые могли бы привести к тому, что какой-то незнакомый человек приедет к нам во двор и будет показывать его фотографию в телефоне.

— Так вот, повторяю ещё раз. Вопрос простой. Когда он приедет? Мне нужно с ним поговорить.

Каждое слово звучит ударом. Я слышу его, но одновременно будто и не слышу. Внутри неразбериха. Смотрю на этого парня и не понимаю, как вообще оказалась в этой машине.

В голове одна мысль сменяет другую. Может, он врёт. Мо-

жет, он просто пугает меня. Может, перепутал человека. Может, это вообще какая-то ошибка.

Но рядом лежит телефон с фотографией Адиля. И рядом сидит человек, который произносит его имя так, будто знает его давно.

Мне хочется выйти из машины. Просто встать и уйти. Но я понимаю, что если сейчас сделаю это, он всё равно останется здесь. Во дворе. Рядом с домом. И будет дожидаться моего мужа.

Если сейчас позвать свекровь... я даже представить не могу, что начнётся. Она выйдет, начнёт кричать, задавать вопросы, а этот человек будет стоять и говорить всё то же самое. И тогда этот разговор услышит вообще вся округа.

Мужчина, кажется, замечает, что я совсем потерялась. Он утыкается телефон и начинает что-то набирать.

— Я сейчас оставлю тебе свой номер. Раз ты не знаешь, когда твой муженёк приедет, вот сюда.

Он поворачивает экран ко мне и диктует цифры.

— Напишешь смску: «Приехал». А не напишешь — будет хуже.

Я смотрю на эти цифры, и мне кажется, что я вообще не понимаю, что происходит. Мой мозг будто отказывается принимать всё это.

— Я не враг хрупким женщинам, — добавляет он. — А вот таким ублюдкам, как твой муженёк, — точно.

У меня внутри всё переворачивается от этих слов.

Он говорит, что не враг женщинам. Но сейчас сидит передо мной и нагло врёт о человеке, которого я люблю. О моём муже. О человеке, с которым я живу и которому верю.

Я пытаюсь оттолкнуть от себя его слова. Пытаюсь найти убеждения, что это неправда. Что он просто пришёл запугать. Что всё это какая-то ошибка.

Но в голову упорно лезет другое.

Адиль не отвечает на звонки.

Он не прочитал моё сообщение.

Я не знаю, где он.

И в этой неизвестности слова этого человека начинают звучать ещё пугающее.

Меня трясёт. Я чувствую, как всё тело напряжено, будто я стою на краю чего-то страшного и не понимаю, куда дальше идти.

Сегодня какой-то ужасный день.

Сначала разговоры в доме. Потом ожидание. Потом этот человек во дворе. Теперь эти слова про долги и тюрьму.

Мне вдруг очень хочется проснуться. Просто открыть глаза и понять, что всё это было сном. Что я просто заснула на тех ступеньках во дворе, и сейчас проснусь, и ничего этого не будет.

Но я тяжело выдыхаю и понимаю, что это не сон.

Этот блондин всё ещё сидит передо мной.

И он всё ещё что-то говорит.

А я уже почти не слышу его. Поток слов проходит мимо

меня, как белый шум.

Я просто сижу и пытаюсь понять, как моя жизнь могла перевернуться за один день так резко, что теперь я не узнаю ни этот двор, ни свою собственную жизнь.

Глава 12

Адиль

Стол накрыт так, будто меня позвали не на чай, а соби-
раются женить прямо между чайником и вазой со сладостя-
ми. Белая выглаженная скатерть, тарелки расставлены в ряд,
сладости, орехи, варенье, фрукты — все на месте, прям все
до блеска вылизано.

Мадина эта носится вокруг стола с таким видом, будто
она уже хозяйка в нашем общем доме, а мне остается только
сесть, одобрительно кивнуть и сказать: да, вот теперь жизнь
удалась.

Я откидываюсь на спинку стула, смотрю перед собой и
ловлю себя на одной простой мысли: меня сюда не позвали,
меня сюда вынудили прийти.

Мать действительно давила на меня несколько дней под-
ряд. Сначала заходила издалека: про уважение, про обычаи,
про то, что мужчина не должен спорить с матерью.

А потом уже в лоб: приезжай, познакомься, посиди, не
убудет с тебя, ради матери своей и все в таком духе. А у меня
нет сил с ней пререкаться.

Не сейчас. Не в том положении. Потому что правда в том,
что мне нужны деньги. Очень нужны. И не на новую тачку,
не на понты, не на клубную ерунду для вида.

Мне нужно залатать дыру, которая с каждым днем стано-

вится все больше. Все шире и чернее. И если мать вцепилась в эту свою идею со второй женой, если она готова раскошиться, значит, я пока сижу, слушаю, терплю и не срываю эту встречу к чертовой бабушке.

Потому что гордость — это, конечно, хорошо, но когда тебе дышат в затылок вопросом: «Где бабки?» — гордость быстро отходит на второй план, знаете ли.

Телефон лежит рядом с чашкой. Экран вспыхивает каждые несколько минут.

Маша. Опять Маша. Пишет без остановки, будто палец прилип к экрану. Я даже не открываю. Смотрю на вспышку, чувствую, как внутри нарастает раздражение, и переворачиваю телефон экраном вниз.

Вот блядство. Ставлю режим «Не беспокоить». Всё. Хватит. Сегодня у меня голова другим занята. И я даже самому себе не хочу признаваться, как меня бесит ее бесконечное «где ты», «когда будешь», «почему не отвечаешь».

Я же утром сказал: буду вечером. Не потерялся в лесу, не провалился в яму. Но нет же, ей надо писать, дергать меня, напоминать о себе. Ахуеть можно, реально.

В другой день я бы, может, и ответил коротко, чтобы отстала. Но сегодня не хочу. Не могу. Сегодня любое ее сообщение действует мне на нервы. Потому что там, дома, ее слезы, ее ожидания, ее глаза, ее вопрос про ребенка, который уже в печенках сидит.

А тут, за этим столом, еще одна баба, которую мне подсо-

вывают почти официально. И все это в один день. Красота, блять. Просто заебись.

Надо признать, Мадина и правда хороша. Тут и врать нечего. Высокая, стройная, волосы по задницу, глазами темными стреляет, смотрит прямо в душу, без всякого. Да и грудак сочной, вроде. Одета со вкусом, двигается так, будто с детства ее учили, как ставить себя перед мужиком, как улыбаться, как обхаживать его, чтобы тот напротив растекся, попавшись в ее сети.

— Еще чая подлить? — она выдергивает меня из потока мыслей.

— Можно. — коротко киваю я.

Она молчаливо делает свое дело, обхаживая меня и так и сяк, а я возвращаюсь назад к своим размышлениям.

Да блять. Если бы я был свободен, если бы у меня не было все этой ебалы — Машки, дома, ресторана, матери с ее закидонами и долговой петли на шее, то да — такую девку можно было бы хватать без раздумий.

Ну а что? Маман бы прыгала от радости, я бы сказал «да» — и она бы уже завтра всем растрезвонила. Но я же не свободен. И, честно говоря, второй жены я не хочу. Нахер мне это надо? У меня и с одной то праздник, то больница, то слезы, то надежды, то снова слезы.

А мне что нужно от жизни? Чтобы дома был порядок. Чтобы пришел — поел, попил, откинулся на спинку кресла, покимирал в тишине, чтобы никто не лез в мои дела.

Все. Мне многого не надо. Я не романтик. Не герой дешёвых книжек. Мне не нужны эти танцы с бубнами вокруг вечной любви.

Мне нужен дом, где я могу расслабиться. Дымящаяся еда на столе, мяско—хуяско, все дела. Чистая выглаженная одежда. Жена, которая не капает на мозги без умолку.

И да, желательно, ребёнок, чтобы мать уже заткнулась со своим родом и наследником.

Но ребёнка нет. Год, второй, врачи, анализы, больницы. Маша ходит по замкнутому кругу, себя грызет, меня пожирает своими немymi вопросами, будто я сейчас достану из кармана готовый ответ.

У самого уже все внутри переворачивается от этих разговоров. Мне ее по-своему жаль. Я вижу, что она старается. Вижу, что дом на ней, что она за мной бегаёт, что переживает, что все это не из вредности.

Но меня это тоже достало. Каждый месяц одно и то же. Надежда, потом пустота, потом ее красные глаза. А сверху мать, которая вдальбливает в меня: не можешь от одной получить ребенка — бери вторую. Будто я мешок картошки выбираю, а не женщину.

Я беру чашку, делаю глоток и вполуха слушаю Мадину. Она старательно рассказывает о себе, с блеском в глазах, явно понимая, зачем я здесь.

Про школу, про университет, про успехи, про спорт, про какие-то награды. Умница, красавица, комсомолка, блять.

Полный комплект.

Я киваю в нужных местах, вставляю короткие «ясно», «понятно», «молодец», а сам считаю в уме деньги. Даже не рубли, а дыры, которые нужно срочно латать. Сколько нужно срочно закрыть. Сколько можно тянуть. Кому соврать. У кого попросить. Что продать без шума.

И именно поэтому я сейчас сижу за этим столом, а не посылаю всю эту постановку куда подальше. Я бы, может, и послал. В другой жизни. Когда у меня в кармане всё как по маслу, поставщики не ждут, ни один мудак не смотрит на меня через посредников с вопросом, куда делись его деньги, и мне не приходится глушить голову виски только для того, чтобы не думать до утра.

Вчера хоть напился и забылся. На несколько часов. А сегодня всё вернулось. И вернулось с лихвой. Голова тяжёлая, внутри злость, к вечеру надо что-то решать, а я сижу тут и слушаю про университетские медали. Такие пироги, ебать.

Телефон снова вспыхивает. Даже в таком режиме он, как назло, продолжает светиться. Я перевожу взгляд, вижу имя Маши и чувствую, как внутри нарастает злая усталость.

Да что у тебя там случилось-то, в конце концов? Я же не на неделю пропал. Если бы пожар, чья-то смерть, армагеддец или что-то в таком духе, мать бы уже сама мне звонила. Как пить дать позвонила бы. А тут...

Значит, просто пишет. Просто хочет внимания. Просто

хочет услышать, что я скоро буду. А я не хочу сейчас это читать. Потому что знаю: если открою ее сообщения, меня либо начнет бесить каждая строчка, либо накроет чувство вины.

А мне сейчас вот этого не нужно. Ну нет у меня сил ни на ее обиды, ни на ее вопросы. И, если честно, я злюсь еще и потому, что она не понимает простую вещь: если мужик молчит, значит, у него есть дела.

А не потому, что он обязательно кого-то трахает в чужом доме или крутит интрижки за спиной. Иногда у него в голове полный пиздец, и он не хочет, чтобы в этот пиздец кто-то лез.

Но Маша срать на это хотела, не умеет не лезть. Она баба хорошая, домашняя, верная, всё это правда. Но она не умеет держать дистанцию, когда надо. Субординации у нее нет с мужем. Нету, блять. Ей надо дописаться, достучаться, доебаться, вывернуть мне душу наизнанку и спросить, всё ли у нас хорошо. Да заебись все у нас, лучше не бывает.

Я отодвигаю телефон еще дальше. Мадина замечает это и улыбается. Наверное, думает, что я демонстративно игнорирую жену ради нее.

Пусть думает, мне сейчас плевать на ее думки. Она подливает мне еще чаю, пододвигает блюдце с лукумом, наклоняется ближе, и я машинально отмечаю, что от нее пахнет чем-то сладким, дорогим. Не приторно, а так, чтобы запах остался в носу. Она умеет себя подать конечно, это сразу видно.

Не суетится, не ломается, не строит из себя недотрогу. На-

оборот. Сидит с интересом, ловит мой взгляд, улыбается, задает вопросы, вроде бы невинные, но на самом деле с подвохом.

Что я люблю. Где бываю. Что думаю о семье. Хочу ли детей. На этом месте я едва сдерживаю усмешку. Конечно, хочу. Я не идиот. Мне нужен сын. Нужен кто-то, кто продолжит наш род. Нужен этот чертов наследник, о котором мать говорит как о святыне. Но я не хочу добиваться этого через торг, давление, через весь этот спектакль. И тут в голове всплывает еще одна мысль, совсем мерзкая: а вдруг мать права? Вдруг Маша так и не родит? Вдруг мы еще год, два, три будем мотаться по больницам, а в итоге ничего не выйдет?

Гоню эту мысль, потому что она сразу делает меня похожим на мать. А я не хочу быть на нее похожим. Но мысль есть. И в этом весь пиздец. Потому что одно дело — любить женщину. Другое дело — жить в доме, где каждый второй напоминает тебе, что одной любви для рода недостаточно.

Сижу, смотрю на Мадину эту и понимаю, что ничего к ней не чувствую. Вообще ничего. Не тянет. Не влечет. Не хочется ни взять ее за руку, ни притянуть к себе, ни продолжить этот вечер как мужчина, увидевший перед собой желанную женщину.

Я смотрю на нее и думаю: красивая, да. Ухоженная, да. Молодая, удобная, одобренная матерью, из хорошей семьи. Полный набор. А внутри пусто. И от этого вся эта ситуация бесит меня еще больше. Потому что меня толкают туда, куда

я сам не иду. Иду не потому, что хочу, а потому, что меня прижимают к стенке.

А прижатый к стенке мужик — это хреновый мужик. Он злой, дерганый, у него крыша едет, и если его сейчас начать гладить, он либо оттолкнет, либо вообще сорвется на грубость. Я сейчас именно такой. Мне не до флирта. Не до новых браков. Мне бы сегодняшний вечер пережить и понять, что делать дальше.

Мадина встает из-за стола, обходит его и подходит ко мне. Я чувствую ее рядом, но не двигаюсь. Она наклоняется, и ее волосы скользят по моему плечу. Я поднимаю глаза. Она смотрит на меня так, будто уже все решила и просто ждет, когда я сделаю шаг.

В другой день, в другом настроении я бы, может, и оценил этот ход. Но сейчас я испытываю только раздражение от того, что меня трогают в тот момент, когда я думаю о тюрьме, долге и матери с ее условиями.

— У тебя такой манящий парфюм, — она медленно, без стеснения проводит рукой по моей шее и улыбается так, будто подает мне незатейливый намек.. — Пахнешь самцом. Хищник, а не мужчина.

Мои дорогие читательницы, поздравляю вас с праздником 8 Марта!##

Желаю вам крепкого здоровья, любви, сил, терпения, и всего самого светлого. Пусть рядом будут только те люди,

которые ценят вас и берегут, а все невзгоды обходят вас стороной. Больше радостных моментов и ярких эмоций. И, конечно, пусть в вашей жизни всегда будет время для захватывающих историй.

Спасибо вам за поддержку, теплые слова, комментарии и любовь к моим книгам. Вы — мое вдохновение. С праздником! ##

Ваша Алена

Глава 13

Адиль

Я приезжаю домой уже глубокой ночью, в таком состоянии, когда тело само идёт, а голова всё ещё где-то там, за тем столом, среди чашек, фруктов и ее улыбок.

Меня мутит не от алкоголя даже, а от мыслей. Они весь вечер жрут меня изнутри и сейчас жрут тоже. Выхожу из машины, захлопываю дверь, поднимаюсь по ступеням и сам не понимаю, что дальше.

Мадина эта, черт бы её побрал, всё равно засела в голове. Не потому что я там с ума сошёл от её вида или уже собрался бежать за вторым никахом. Нет.

Просто она вошла в мысли своей близостью, своими глазами, тем, как смотрела, как ластилась, как будто уже всё решено и осталось только сказать «да».

И это бесит сильнее всего. Потому что у меня уже есть жена. Дом уже есть. Жизнь уже есть. Через три пизды, через жопу, нервная, порой изнуряющая, но все же моя.

И вот тащусь я сейчас по коридору и чувствую, что во мне всё в полном смятении.

С одной стороны Маша, с её слезами, больницами, надеждой, домом, привычкой.

С другой стороны деньги, долги, мать и эта чертова Мадина, за которой стоит решение моей проблемы. Не всей, но

самой поганой её части.

И вот тут хоть башкой об стену бейся — красивым личиком проблемы не решаются. Тут или деньги доставай, или потом на тебя будут смотреть уже не через телефон, а через прицел.

Я иду на кухню попить водички, горло сушит так, будто песка нажрался. И в эту секунду мне плевать уже и на Мадину, и на Машины сообщения, и на всё остальное. Хочется просто воды и тишины хотя бы на пять минут. Ноги протянуть

Но тишины мне, видимо, никто сегодня не даст. Выкуси, Адиль. Выкуси.

На кухне основной свет не включен, только тусклая лампа над плитой и окно, в котором чернота. Мать сидит за столом в полумраке и капает себе что-то в стакан. В нос сразу бьет корвалолом. Настолько резко, что я даже забываю зачем шел.

— Что случилось, мам? — спрашиваю я и подхожу ближе.

Она поднимает на меня глаза. И я сразу понимаю — не про сердце сейчас будет. Про своё она, может, и капает, но сидит тут не из-за слабости. Сидит ждет меня. Сидит добивать. На больное давить ждет.

— А ты не понимаешь? — бросает тут же она. — Жениться ты должен, Адиль, жениться.

Я морщусь, отворачиваюсь к столешнице, беру стакан, но воду так и не наливаю.

— Ничего я никому не должен.

— Да что ты как баран в стенку уперся то? Я тебя не понимаю. — она заводится с пол-оборота, а я только зубы сжимаю. — Ради своей этой порченной девки. Она тебе жена, что ли? Только на бумажке насрано. Родить не может, дома толку с нее с гулькин хрен, а ты носишься с ней, как с писаной торбой. Ей-богу. Открой глаза, дорогой мой.

— Мама, хватит, — бросаю я, не оборачиваясь. — Я пытаюсь ее остановить, но она...

— Ты мне рот не затыкай! — рывкает она так, что у меня в висках стучит. — Благоверная твоя только наши последние деньги на свои больницы да обследования просаживает, а ты вместо того, чтобы думать, как с долгами раскидаться...

— Я решу, мам.

— Решишь? Решатель! — она уже подскакивает со стула, и по кухне сразу идёт этот её нервный шаг, туда-сюда, туда-сюда. — Много ты уже, сынок, наreshал. Так наreshал, что теперь не знаешь, куда спрятаться. Решит он. Чем решишь? Гордыней своей? Или любовью к бесполезной бабе, которая кроме картошки и стирки ничего дать не может? Чихать на нее надо, а ты до небес будто превозносишь. Окстись ты уже.

Я сжимаю стакан так, что пальцы вот-вот судорогой сведет. Ударить бы кулаком по столу, гаркнуть на неё, заткнуть наконец. Но я молчу.

Потому что вижу её лицо. Потому что знаю этот блеск в глазах. Потому что у неё и правда сердце ни к черту, и если она сейчас схватится за грудь и начнет валиться, виноватым

в итоге останусь я.

Она это тоже знает. Прекрасно знает. И потому бьёт туда, куда надо. По больному. По Маше. По долгам. По моему тупому мужскому упрямству, которое сейчас вообще ничего не решает.

— Мадина эта наши проблемы решит, у них семья обеспечена на семь наших жизней — продолжает она, уже не сбавляя. — Тебе только плевое дело сделать. Неужели ты не можешь понять?! Она в тебя влюблена по уши. Я это вижу. И мать её это видит. Ради такого мужа, как ты, они готовы. Ты хоть понимаешь, что мать её твои долги покроем? Или хочешь, чтобы тебя прибили из-за твоей гордыни и нежелания сделать так, как положено? И опустили нас в собачье дерьмо лицом? Недолго осталось, милый мой, недолго.

Я поднимаю на неё взгляд. И вот от этих слов меня уже прошибает до костей.

Не от «вторая жена», не от «традиции», не от её вечного «род должен продолжаться».

А от того, что она это вслух произносит. Прямо в лоб. Без красивых оберток. Твои долги покроют. И всё. Вот она суть этого цирка.

Не невеста. Не традиции. Не род. Сделка, мать её. Самая обычная сделка. Девка в обмен на мои проблемы.

Мадина — как красивый конверт с деньгами, который я должен взять и сделать вид, что всё тут свяшенно и правильно.

И от этой мысли меня тошнит. Потому что я не мальчик, которого женят. Я взрослый мужик. У меня жена дома. У меня имя есть. Достоинство какое-то, ебанный в рот. У меня свое хозяйство. А стою я сейчас на кухне и молчу, потому что правда в том, что я реально задолжал.

Да, сука. Есть такой момент. И люди там не из тех, кому можно сказать «подождите еще недельку».

Мать пилит дальше. Говорит, что мы погрязнем в клоаке. Что Маша только картошку чистит и тряпками машет, как прачка да помощница на кухне, и больше от неё никакого прока. Что от жены нужен толк. Что мужчине нужен наследник, а не только тарелка супа. Что дом стоит, ресторан крутится, а дальше что? Кому это всё?

Слушаю и понимаю, что она не просто злится. Она уже всё решила. У неё в голове эта картинка давно сложилась: Маша не рождает, я в долгах, Мадина влюблена, её семья при деньгах. Всё. Пазл идеален.

Кроме одного — меня. Кроме того, что я не хочу. И кроме того, что, как бы я ни злился на Машу, как бы ни уставал от её слёз, больниц и бесконечных разговоров, у меня всё равно внутри сидит понимание: она моя.

Да. Я к ней привык, прирос, черт возьми. Я знаю, как она ставит мои чашки, как гладит рубашки, как дом ведет, как ждет меня, как смотрит, когда я прихожу, как радуется. И вот этого всего не выбросишь одним махом, не сотрешь чужими духами и длинными волосами.

Но и мать, зараза, права в одном. Выбора у меня особо нет.

И вот эта мысль бьет хуже всего.

Я отворачиваюсь к окну, смотрю в темноту двора и думаю, в какое дерьмо сам себя загнал. Если бы не этот долг, я бы сейчас и разговаривать на эту тему не стал.

Послал бы всех к чертовой матери, сел бы в машину и уехал с Машкой куда подальше. Даже если она опять будет пилить со своими вопросами и обидами. Даже если она тоже не сахар. Но с ней хотя б все понятно.

А здесь я стою, как загнанный бык, и считаю варианты. Один херовее другого. И самое мерзкое, что в голове все равно всплывает лицо Мадины.

Не сказать, что я уже готов. А потому, что мозг, сука, цепляется за простое решение. Долги закроют. Мать заткнется. Люди отстанут. Жизнь не развалится на глазах. Да, ценой второй жены. Да, ценой Машиных слёз. Да, ценой того, что я сам себя уважать перестану. Но мозг всё равно это крутит. Потому что когда тебе дышат в затылок реальные проблемы, мораль начинает шататься, надламываться.

— Я не хочу этого, — говорю я наконец, больше себе, чем ей.

— А кто тебя спрашивает, чего ты хочешь, любовь моя? — сразу отрезает мать. — Мужчина не хотелками живёт. Мужчина делом живет. Или ты собрался и дальше любоваться своей Машей, пока тебе двери вынесут и голову проло-

мят? Приди в себя, ради всего святого. Приди!

Я усмехаюсь от отчаяния. Вот умеет же она. Одной фразой так врезать, что в груди потом всё ходуном ходит.

Потому что да, я уже и сам думаю об этом. Что если не решу сейчас, то потом ко мне придут уже не с разговорами. И что тогда? Тогда Маша увидит всё это. Тогда уже не получится делать вид, что я просто поздно с работы прихожу. Тогда весь этот дом узнает, насколько я в жопе.

Мать садится обратно, берет свой стакан с каплями, пьет и смотрит на меня поверх него.

— Подумай головой, Адиль. Хватит жить сердцем и жалостью. Жалость мужика не красит. И уж никак не вытянет тебя из этой задницы.

Я стою молча, обтекая ее словами. И это молчание меня самого бесит. Но спорить здесь уже не о чем. Все доводы я сам себе тысячу раз привел. Да и все отмазки тоже. И против каждой теперь стоит одно простое слово — деньги.

Я провожу ладонью по шее, по лицу, будто могу так стряхнуть весь этот вечер, и в голове снова всплывает Мадина. Её взгляд. То, как она стояла рядом. Как трогала меня, будто уже имеет право на это.

И я, против воли, думаю: а ведь и правда не такая страшная она. Даже совсем не страшная. Красивая девка. Ухоженная. Смотрит на меня, как на подарок судьбы. И если бы жизнь была другой, я бы, может, даже не стал ломаться. Не стал бы, конечно.

Даже с одной этой мысли мне становится мерзко.

Потому что это уже начало.

Потому что именно с таких мыслей всё и начинается. Сначала «не такая страшная». Потом «может, это выход». Потом «надо было сразу согласиться». А потом ты просыпаешься и понимаешь, что сам загнал свою жизнь в мясорубку.

И всё же я стою посреди кухни, пропахшей корвалолом, слушаю мать и понимаю, что у меня на руках дерьмовая колода карт.

И ни одной хорошей, которая сыграла бы без последствий, в ней нет.

Глава 14

Адиль

Я захожу в спальню уже на взводе. Голова гудит так, будто внутри кто-то долбит молотком. После кухни, после матери, после её слов, после этого корвалола, от которого до сих пор свербит в носу, после всей этой давки, которая навалилась за один вечер, мне хочется только одного — чтобы наконец-то в этом доме замолчали.

Хоть на пять минут. Хоть на один грёбанный вдох. Но, конечно, как только я переступаю порог спальни, сразу понимаю, что и здесь мне покоя не будет.

Маша не спит. Лежит не раздетая до конца, не укутанная, не расслабленная, а вся натянутая, как струна. Растянула на кровати, смотрит на меня так, будто всё это время не моргала.

Глаза распахнутые, в них тревога, обида, ожидание. У меня от одного этого взгляда внутри всё сразу переворачивается. Потому что я знаю этот ее вид. Она сидела и ждала. Не просто не спала — ждала.

Слушала каждый шорох, каждый звук во дворе, каждое движение в коридоре. И вот я стою в дверях, а она уже готова вывалить на меня всё, что у неё накопилось за этот вечер. Весь свой непосильный груз. И сил у меня на это нет. Вообще нет. Ни на слезы, ни на вопросы, ни на очередное «где ты

был», ни на этот ее дрожащий голос, от которого я обычно либо злюсь, либо чувствую себя последним мудаком.

— Адиль... — она поднимается, делает шаг ко мне. — Ко мне... мне сказали...

— Закрой рот, — отрезаю я сразу, грубо, резко, так, что сам слышу, как это звучит.

Она замирает. Но, конечно, не замолкает.

— Нет, ты послушай, сюда кто-то приезжал, какой-то мужчина, он...

Я уже даже не вникаю. В голове фоном шумит так, что слова пролетают мимо. Кто-то приезжал, кто-то сказал, что-то видел, что-то случилось.

У меня в эту секунду только одно желание — заткнуть всё это. Все голоса сегодняшнего дня. Мать. Мадину. Свои мысли. И теперь еще и Машу. Я делаю еще шаг, хватаю её за талию и прижимаю к себе так резко, что она ахает.

— Я сказал, замолчи.

Она пытается ещё что-то сказать, но я не даю. Впиваюсь в её рот поцелуем — жадно, зло, с тем напором, от которого она сразу теряется. Не нежно. Не с нежными раскачкой. Мне сейчас не до нежностей. Мне нужно, чтобы она перестала говорить. Чтобы перестала задавать вопросы. Чтобы перестала смотреть на меня так, будто сейчас заглянет мне в голову и увидит весь этот сраный бардак.

И она быстро сдаётся.

Вот в этом вся Маша. Она может ждать, писать, пережи-

вать, доводить меня своей тревогой, но стоит мне прижать её к себе — и она тает. Я чувствую это сразу. По тому, как ее пальцы цепляются за мои плечи. По тому, как она сначала напрягается, а потом начинает отвечать. По тому, как подаётся ко мне всем телом, будто и правда скучала так, что весь вечер жила только этим моментом.

Я валю ее на кровать, и внутри на секунду становится легче. Потому что вот это — моё. Вот это я понимаю. Без слов, без объяснений, без чужих советов.

Моя жена. Моя кровать. Мои руки на её теле. Сбрасываю с неё ночнушку, и у меня внутри вспыхивает жадное, злое неистовое желание. Похоть. Страсть.

Нет, не потому что я вдруг весь такой романтичный муж после тяжёлого дня. Нет и нет. Потому что я хочу забрать свое. Взять ее и ощутить под собой. Хочу, чтобы хоть на несколько минут в голове не было ни долгов, ни матери, ни второй жены, ни чужих условий. Только мы. Только ее грудь под ладонями. Только то, как она вздрагивает от моих прикосновений и сразу тянется ближе.

Я целую ее в шею, лицо, плечи, чувствую, как она вся пылает от ожидания. И меня в этот момент пробивает какой-то дикой смесью — яростью, голодом, усталостью и этим странным облегчением.

Маша ждала меня. Маша любит меня. Это видно. Это, сука, чувствуется подкоркой. Она вся для меня сейчас — распахнутая и доверчивая. В ее прикосновениях нет подвоха.

Нет расчёта. Только эта её вечная преданность, от которой мне то душно, то легче.

И в какой-то момент меня накрывает мысль, что именно это меня и держит до сих пор. Не больницы. Не жалость. Не привычка. А вот это. То, как она смотрит на меня. То, как тянется. То, как дрожит вся, как осиновый лист, подо мной от того, что я пришёл к ней. Что я здесь. Что я её.

Между нами вспыхивает такая жадная, нервная близость, что у меня на несколько минут и правда вылетает всё остальное из головы.

Её руки по мне — как лекарство, которого мне сегодня не хватало. Как бальзам на измотанную душу. Она касается меня так, будто пытается собрать обратно по кускам. И я, чёрт возьми, позволяю.

Беру её со всей этой накопившейся за день жаждой, со всей своей злостью, с этим бешеным желанием хоть где-то перестать думать.

Она задыхается, всхлипывает, цепляется за меня, и я понимаю, насколько она сегодня была на нервах. Насколько она реально ждала. Насколько вся эта ее тревога, которую я вечно хочу заткнуть, сейчас выливается в эту жадность, в то, как она льнет ко мне, будто я единственное, что у неё есть.

А потом всё схлопывается.

Она, запыхавшаяся, обессиленно падает на свою сторону кровати. Я — на свою. Лежу, глядя в потолок, и несколько минут просто прихожу в себя. В груди тяжело, виски сту-

чат, тело отпустило, но в голове легче не стало. Ни черта. Ни на грамм. Я думал, что вот сейчас возьму свою жену, выжгу этим всё, что накопилось за вечер, и станет проще. Но нет. Стало только тише снаружи. А внутри — всё тот же костер.

Маша рядом. Я слышу, как она переворачивается, как пытается восстановиться, как, наверное, уже думает, что вот теперь-то можно будет поговорить. Но я не скажу сейчас ни слова. Ни одного.

Я поднимаюсь, натягиваю штаны и иду на балкон.

Открываю дверь. Выхожу. Закуриваю.

Ночь. Черным-черно. Лишь где-то вдали редкие огни. Дым тянется вверх, растворяется, а я стою и чувствую, как меня начинает реально накрывать.

То ли алкоголь до конца не выветрился. То ли усталость. То ли мать своими словами так влезла под кожу, что теперь от них не отмыться. Голова гудит. Не в переносном смысле. Реально гудит, будто внутри трансформатор водрузили.

Я делаю глубокую затяжку и в этот момент понимаю самое мерзкое.

В голове вспыхивает образ Мадины.

Не Маши.

Не то, что только что было в спальне.

А Мадины.

Её руки.

Её прикосновение к моей шее.

Её голос, когда она стояла рядом и смотрела так, будто

уже знает, что со мной делать.

Я застываю с сигаретой в пальцах и сам от себя охреневаю. Какого хера?

Я только что был с женой. Только что взял свою женщину, проник в неё, овладел ей, прочувствовал, как она дышит, как тянется ко мне, как любит меня — это же видно было, сука, во всём. А у меня сейчас в голове всплывает не она, а та, чужая.

Я снова затягиваюсь, жестко, до горечи во рту.

И, чем дольше стою, тем честнее приходится быть с самим собой.

Да.

Я возбуждился из-за Мадины ещё там, вечером.

Не только потому, что она красивая.

А потому, что она вела себя так, как умеют наши женщины, когда хотят мужчину зацепить.

Без лишних прикрас. Без глупой болтовни. Всё у неё в крови. В движениях. В том, как подала чай. Как подошла. Как коснулась. Как смотрела снизу вверх. Как пахла. Не этими дешевыми сладкими духами, а чем-то таким, что вползает под кожу и потом сидит там. Жасмин. Точно. Жасмин на коже. И под этим запахом — она сама.

Обольстительная, молодая, упругая. Черные густые волосы, которые скользнули по моему плечу. Эти глаза. Большие, тёмные, полыхающие. И эта её фраза. Про самца. Про хищника.

Чёрт.

Я сжимаю зубы и делаю ещё одну затяжку, доходя до фильтра.

Меня реально ведёт от этой мысли.

И я сам от себя в ахуе.

Потому что это уже не просто «красивая девка». Это уже не просто «мать давит». Это уже тело помнит. Член помнит. Башка помнит. И это самое херовое.

Я стою на балконе, закурываю еще одну и понимаю, что меня рвет на две части.

С одной стороны — Маша. Моя жена. Дом. Привычка. Преданность. Её руки на мне только что. Её глаза. То, как она ждала меня. То, как от одного моего прикосновения готова всё забыть и простить.

А с другой — этот вечер. Мадина. Её запах. Её нежные руки. То, как она за мной ухаживала. Сразу видно — нашей породы. Всё знает, стерва. Все традиции. Всё как надо. Такая в дом войдёт — и мать будет на неё молиться. И если уж совсем честно, не только мать. Любой мужик оценит.

И вот от этой своей честности мне хочется самому себе вьебать.

Потому что это уже начало скользкой дорожки, с которой не свернуть.

Сначала ты думаешь: «Ну красивая».

Потом: «Ну не такая уж и плохая».

Потом: «Ну если бы не обстоятельства...»

А потом стоишь ночью на балконе после своей жены и
дрочишь мозг на чужую девку.

Я выдыхаю дым и смотрю в темноту так, будто там сейчас
появится ответ.

Но ответа нет.

Есть только я.

Дым.

Ночь.

И чёткое, мерзкое понимание, что сегодня во мне что-то
надломилось.

Глава 15

Мария

Проходит три недели.

Целых три недели, в которые я каждый вечер ложусь в постель с одной и той же мыслью, да и просыпаюсь с ней же. С мыслью об Адиле, его долгах.

Николай этот больше не приезжал. Ни звонка, ни машины у ворот, ни этого мерзкого ощущения, что сейчас снова кто-то вылезет из темноты и начнет смотреть на меня так, будто знает о моей жизни больше, чем я сама.

И вроде бы от этого должно стать легче. Вроде бы надо выдохнуть, сказать себе: «Маша, хватит. Ты накрутила. Всё обошлось».

Но у меня внутри ничего не обошлось. Это навязчивое раздумье, что у Адилы большие проблемы, сидит во мне занозой. Не вытащить. Не забыть. Не замазать домашними делами.

Оно лезет в голову перед сном, когда я лежу в темноте и смотрю в потолок. Лезет утром, когда умываюсь. Лезет днём, когда режу лук, мою полы, перебираю бельё.

И чем больше времени проходит, тем страшнее становится от другого — от того, что он так со мной и не поговорил. Я пыталась. Не раз. И после той ночи, когда он пришёл поздно, злой, какой-то весь чужой, и после ещё двух вечеров, когда

он мелькал в доме, и даже утром, когда он пил чай наспех.

Я начинала, осторожно, издалека, а он отмахивался. Смотрел так, будто у него в голове что-то своё, а я со своими словами сейчас только мешаю.

«Потом». «Не сейчас». «Не начинай». «У меня дела». И всё. Стена.

Я бьюсь в неё уже третью неделю и чувствую себя душой. Но внутри всё равно цепляюсь за идею, что, может, он и правда пытается решить что-то сам.

Не втягивать меня. Не пугать. Не травмировать. Мужчины же такие. Им легче тащить на себе, чем признать, что они увязли.

Я сама себе это повторяю как мантру, сама же в это верю и сама же по ночам плачу в подушку от того, что это вера какая-то натянутая, как старый потрескавшийся бинт на рану.

Свекровь в эти три недели тоже ведёт себя непривычно странно. Нет, она не стала добрее. Алия Исмаиловна и доброта — это вообще два разных мира. Она всё так же бурчит, цепляется, смотрит на меня так, будто я у неё из кастрюли последний кусок мяса ukrала.

То не так режу, то не туда поставила, то долго стираю, то бельё «не по-мужски пахнет». Но про вторую жену больше не заикается. И вот это меня пугает сильнее, чем если бы даже она продолжала.

Потому что её молчание — явно не про смирение. Это не тот человек. Она не умеет забывать идеи, которые сама себе

вбила в голову. Значит, либо Адиль её осадил. Либо... либо у неё уже есть на что надеяться, и потому она не трогает меня раньше времени.

От этой мысли у меня внутри все леденеет, и я сразу себя одергиваю.

Хватит. Хватит лезть в те доводы, где пока нет доказательств. Я вижу, как она косится на меня сегодня утром, когда я захожу на кухню, и глотаю это, как горькую таблетку.

Ладно. Хочет смотреть — пусть смотрит. Она никогда не была самым добрым человеком на земле. Я не обязана от её взгляда разваливаться на куски.

Может, и правда Адиль поставил её на место. Может, сказал, чтобы не лезла. Может, поэтому и затихла.

В целом всё терпимо. Так я себе твержу. Всё терпимо, Ма-ша. Дом стоит. Крыша над головой есть. Адиль дома появляется. Да, нечасто. Да, пропадает допоздна. Да, только спать приходит. Да, уходит рано. Да, разговора между нами нет. Но он приходит. Ложится рядом. Иногда даже обнимает во сне, неосознанно, тяжёлой рукой через одеяло мою талию, и я лежу с этой рукой на себе, как с доказательством, что он всё ещё мой. Что он всё ещё дома. Что всё не так плохо, как рисует моя дурная голова.

Я уже начинаю смиряться с его поздними приходами. Может, и правда причиной являются проблемы. Может, он их разгребает. Может, мужское самолюбие не дает признаться. Я же вижу, какой он ходит. Уставший. Раздраженный. Веч-

но в телефоне. Смотрит мимо. Будто в голове калькулятор, долг, злость, нервы — всё сразу.

И мне хочется к нему прижаться, погладить, спросить по-человечески: «Адиль, что случилось? Скажи мне. Я не враг». Но каждый раз между нами встаёт его взгляд. Короткий. Жесткий. «Не лезь».

И вот я опять молчу. Становлюсь удобной. Становлюсь хорошей. Становлюсь той самой женой, которая не давит. Хотя внутри уже всё ходит ходуном. Лишь бы не усугубить ничего, на натолкнуть его на... даже не хочется говорить на что.

Последние дни мне самой нехорошо. Состояние какое-то странное. Живот тянет. Голова кружится. Вчера на рынок с Гулей ездили продукты выбирать — меня так подкосило, что я думала, прямо между прилавком с зеленью и мешком картошки на пол уеду.

Хорошо, Гуля со мной была. У неё этот наштабёр всегда в сумке, потому что у неё самой давление низкое. Я раньше над ней посмеивалась, мол, бабка старая в ее то годы, аптеку переносную с собой носит. А вчера, если бы не ее предусмотрительность, я бы, наверное, лицом в эти помидоры и сложилась. Она меня под руки подхватила, усадила, сунула под нос эту вонь, а я только глазами захлопала.

— Маша, ты белая вся! — шипит она тогда прямо в ухо. — Сиди. Куда пошла? Куда тебя понесло?

— Да я нормально... — бормочу, а у самой перед глазами

всё плывёт.

— Нормально она. Молчи. На, нюхай.

— Фу, Гуля, убери, меня сейчас вывернет...

— Лучше вывернет, чем ты тут рухнешь. Сиди, говорю.

Вот такая она. Без церемоний. Без жалости и носового платка. Но с ней почему-то легче. Она и поругает, и сумки вырвет из рук, и чаем потом отпоит, и при этом не будет смотреть на тебя так, будто ты калека.

— Ты ела вообще с утра? — спрашивает она, взваливая на себя очередной пакет.

— Ела.

— Что?

— Чай.

— Чай — это не еда, Маша. Ты меня доведёшь.

— Да не начинай...

— Я не начинаю. Я констатирую. Давай, срочно домой обедать. И не строй из себя героиню. Упадёшь ещё раз — Роза Исмаиловна меня потом сожрёт.

И вот мы тащим. Огромные пакеты. С мясом, с овощами, с мукой, с какими-то коробками, банками, мешками. Я до сих пор не могу понять, зачем нельзя было заказать доставщиков. Нет, надо было нас с Гулей погнать, будто мы два ослика в человеческом обличье.

Что за праздник такой планируется в ресторане в этот раз — никто не говорит. Алия Исмаиловна только прищурилась и выдала своё любимое: «Супер секретный». Да уж, супер.

Только баранины одной килограммов десять. Я когда увидела этот кусок мяса, чуть не села рядом с ним и не заплакала.

Думаю: кого мы тут кормить собрались? Полк? Дембеля, что ли, праздновать будут? Или день рождения президента? Ох...

Доходим до дома. Я не успею раздеться, как чувствую, что снова тянет низ живота. Не так, чтобы орать. Но неприятно. Глухо. Нудно. И голова опять какая-то ватная. Хочется лечь. Но не лягу. Потому что Роза Исмаиловна уже объявила, что завтра будем мыть потолки. Потолки!

Я, если честно, не знаю, справлюсь ли со своей нарушенной координацией последних дней, но выбора у меня нет. Возразить дороже встанет. Скажу, что мне нехорошо, — получу лекцию на час, что я ленивая, никчемная, вечно болею и только деньги из дома тяну.

Нет уж. Лучше молча взять тряпку и полезть на эту чертову стремянку. Пусть лучше я буду занята делом, чем сидеть одна в четырёх стенах и накручивать себя до истерии.

Потому что стоит мне остаться без дела — и в голову опять лезет этот мужчина. Николай этот. Его глаза. Его телефон с фотографией Адиля. Его номер, который я тогда, дрожащими пальцами, всё-таки сохранила и потом ещё неделю боялась удалить. А потом всё же удалила.

А теперь думаю, что зря. А мало ли надо будет? А если он придет снова? А если это всё не закончилось, а только затаилось?

— Маша! — раздаётся с кухни голос Гули. — Ты там уснула что ли?

— Иду!

— Иди давай, помощница. Тут кастрюлю снять нужно, пока у нас плов раньше времени не сдох. Да и сама есть садись.

— Да иду я, иду! — бурчу себе под нос и всё-таки улыбаюсь.

Прихожу на кухню, и первое, что вижу, — Алию Исмаиловну у стола. Она даже не смотрит на меня. Лишь слегка косится. Вот этим своим боковым, режущим взглядом, от которого сразу хочется проверить, не написано ли у тебя на лбу что-то оскорбительное.

Я сглатываю. Терплю. Проглатываю. Потому что скандалить не хочу. Не могу. Не вывезу. Гуля суёт мне полотенце, кивает на кастрюлю, и мы начинаем возиться возле нее, как две кухонные каторжницы.

— Держи крепче, горячо, — бурчит Гуля.

— Я держу.

— Да не так ты держишь, а то опять уронишь.

— Гуля!

— Что Гуля? Я тебе жизнь спасаю.

— Ты мне нервы добиваешь.

— Нервы у тебя и без меня дохлые. На, вот сюда ставь.

Я ставлю кастрюлю и ловлю себя на том, что этот этот кухонный шум, запахи, беготня, даже придирки свекрови — всё это лучше, чем одиночество в комнате.

Потому что там я остаюсь наедине с собой. А с собой мне сейчас страшно. Я слишком много думаю. Слишком много замечаю. Слишком многое связываю в одну картину, от которой самой потом тошно.

Адиль пропадает. Свекровь молчит о второй жене. Дома готовится какой-то «секретный» праздник. Я плохо себя чувствую.

Я мою руки, опираюсь ладонями о столешницу и смотрю в окно. В стекле отражается моя бледная физиономия. Щёки впали. Глаза какие-то уставшие. И я понимаю, как я устала держаться, что хочется прямо здесь, над этой чёртовой кастрюлей, сесть на пол и зареветь.

Но я не реву.

Потому что нельзя.

Потому что Алия Исмаиловна тут же закатит глаза.

Потому что Гуля перепугается.

Потому что Адиля нет.

Потому что если я сейчас начну, то уже не остановлюсь.

Я только вытираю руки и тихо говорю самой себе внутри: еще чуть-чуть. Ещё немного. Ещё пару дней. Он же не может молчать вечно. Он же мой муж. Он же не чужой. Он же видит, что со мной что-то не так.

Видит ведь? Видит? Или уже давно смотрит мимо, а я одна тут продолжаю держаться за то, что между нами всё ещё семья?

Дорогие читатели, сегодня приглашаю в книгу литмоба

от Риты Нестеровой

"Измена. Бог вам судья"

ССЫЛКА НА КНИГУ: <https://litnet.com/shrt/rT6l>

— Если ты не можешь родить мне сына, это сделает она,
— муж поворачивается к моей сестре и притягивает ее к себе так демонстративно, будто я уже пустое место.

— У нас уже семь недель. — улыбается она, прижимаясь к его груди.

— Ах, вон оно как...

Мне почти сорок. Я давно не девочка, чтобы устраивать истерики.

Стою в полном шоке, не в силах в полной мере осознать произошедшего.

Два месяца назад я пригрела змею на груди, под маской родной сестры. Забрала ее из общежития, помогла устроиться на работу.

Но как говорится, не делай добра - не получишь зла.

Сегодня я в этом убедилась, застукав эту страстную па-

рочку целующимися на кухне.

Мой муж и она...

Бог бы им судья, да вот только больно... Тошно. Унизительно.

И самое страшное, что именно в этот момент я узнаю, что сама жду ребенка.

Поздняя, долгожданная беременность, в которую я уже почти перестала верить.

Развод или шведская семья?

Что мне делать?

Кроме того, сегодня у этой замечательной истории открылась подписка, и только для первых покупателей действует приятная скидка! Успевайте#

Глава 16

Николай

Сегодня я — засланный казачок.

Сажу в машине напротив дома этой семейки и смотрю на окна так, будто там сейчас покажут кино специально для меня.

Смешно, конечно. Взрослый мужик, при деньгах, при связях, при людях, а завис на чужом дворе, как пацан, который выслеживает первую любовь после школы.

Но хер там. Не из-за романтики я здесь. По крайней мере, не только из-за нее. Работа есть работа. Долги сами себя не выбивают. И если человек решил играть в молчанку, пропадать, тянуть резину, значит, к нему рано или поздно кто-то приедет.

В этот раз кем-то буду я. Не с битой. Не с толпой. Не с громкими разборками. С холодной головой. С натянутой улыбкой. С чашкой кофе в руке, если понадобится. Потому что иногда нужную дверь открывают не угрозы, а правильно сказанное слово.

Я поднимаю взгляд на освещенное окно и вижу силуэт. Женский. Худенький, светлый. Она проходит по комнате, задерживается у шторы, потом подходит ближе, и у меня внутри что-то неприятно дёргается.

Блондинка. Та самая. Маша. Чужая жена, подумал я тогда

в первый раз. И сейчас думаю то же самое. Только мысль уже не звучит с усмешкой. С какой-то, мать его, досадой.

Потому что закон подлости работает железно: если девка и красивая, и с глазами не пустыми, и сердцем не гнилая — обязательно уже чья-то. А всякий шлак, который сам лезет на шею, ходит свободный и еще считает себя подарком судьбы.

Она мелькает в окне еще раз, потом подходит и задерживает штору. Всё. Концерт окончен. Больше ее не видно. И меня от этого почему-то накрывает тупое раздражение.

Смешно. Я же не на свидание приехал. Я сюда приехал по делу. Но факт есть факт: думал о ней все эти недели. Вспоминал ее слишком часто для человека, которого видел один раз, да и то в нервяке.

Ее светлые глаза, полные наивности. Этот ее растерянный взгляд, когда я показал ей фото. Испуганная девочка, которая изо всех сил пытается не развалиться, а сама сидит передо мной и вся дрожит, хоть и держится.

Не истеричка. Не дура. Не крикливая курица. Именно это и цепануло. Не внешность даже сначала. Хотя внешность у нее — грех не заметить. А вот это внутреннее. Нежное, доверчивое, ещё не переломанное до конца.

Такие бабы долго в памяти сидят. Особенно если ты в своей жизни насмотрелся на других — на тех, кто либо за бабки, либо за статус, либо сразу с когтями. А эта — домашняя. Настоящая она. В хорошем смысле. Смотрит на тебя и верит,

что ты, может, ошибся. И от этой ее веры хочется либо развернуться и не ломать ей ничего, либо, наоборот, забрать к себе и никому не отдавать. Плохая мысль. Херовая. Но зато честная.

Я тушу сигарету, выхожу из машины и иду в ресторан. Решил зайти с другой стороны. Раз уж мужик не берет трубки и не спешит решать вопрос, значит, надо посмотреть, чем он дышит, кто вокруг него крутится, как у них тут всё устроено.

Иногда по месту можно понять о человеке больше, чем по его отмазкам. Дверь открывается, звякает колокольчик, и я захожу внутрь. Осматриваюсь без суеты, без спешки.

Ресторан, надо признать, неплохой. Не кабаk для галочки, не дешёвая показуха. Тут видно, что деньги вкладывали с умом. Столы добротные, скатерти свежие, посуда не из ближайшего рынка, запахи с кухни хорошие. Мясо, специи, выпечка. Народу не битком, но посадка есть. Официанты шуршат, кухня оживленная.

Я выбираю стол так, чтобы иметь удачный обзор: видеть зал, вход и коридор вглубь помещения. Сажусь. Заказываю кофе, потом еще еду — чисто проверить. И, сука, вкусно. На удивление вкусно. Не ожидал.

Жую, пью сок и думаю о том, что, если бы этот идиот не влез куда не надо, мог бы жить себе припеваючи. Дом, ресторан, жена, мать, хозяйство. Всё у него уже было. Но нет. Всегда находится момент, когда мужику кажется, что он са-

мый хитрый. Что он сейчас провернет одну схему, перекроет другую, подвинет сроки, и никто ничего не заметит. А потом сидишь ты напротив его дома и смотришь на занавеску, за которой прячется его испуганная жена.

Тут по залу начинает расхаживать женщина лет под шестьдесят. Нарядная, в платке, золота на ней столько, что можно половину моего долга закрыть, если по-честному. Походка у нее хозяйская. Смотрит по сторонам, что-то подсказывает персоналу, поправляет салфетки, цепляется к мелочам. Сразу видно — мамашка.

Та самая порода, которая держит весь дом за горло и делает вид, что это ее забота, благое предназначение судьбы.

Смотрю на нее и думаю: сними с себя половину этих побрякушек, помоги сыночку из долгов выбраться, и не надо будет разыгрывать тут спектакли. Но нет. Такой даме важнее ритуал. Важнее показать, кто тут королева. Такие не спасают себя молча. Такие любят, чтобы спасение шло через унижение, через условия, через «я же говорила». И мне сразу становится ясно, откуда у Адиля такой характер. Не весь, конечно. Но многое — от нее.

Я доедаю, допиваю кофе, оставляю хорошие чаевые. Не потому, что такой щедрый сегодня. Потому что люди расслабляются, когда видят деньги. Особенно старшие. Особенно хозяйки. И не ошибаюсь.

Мамашка это замечает. Сначала бросает быстрый взгляд на купюры, потом на меня, потом уже сама подходит с этой

своей улыбкой, где любезность намазана толстым слоем поверх штукатурки на лице, а любопытство торчит со всех щелей.

— Понравилось у нас? — спрашивает.

— Очень, — отвечаю. — Честно скажу, не ожидал.

Она аж расправляется.

— Мы стараемся. У нас всё домашнее, всё от души. В лучших традициях.

«От души», думаю я, глядя на ее кольца. Ну да. Очень душевно.

— Я тут по совету товарища зашел, — говорю. — Друг Адила. Давно хотел заглянуть.

И вот тут у нее глаза меняются. Сразу. Чуть ярче. Чуть теплее. Сразу «свой». Ну конечно. Друг сыночки. Значит, уже не просто клиент. Уже потенциальный гость, свидетель, ухо, в которое можно слить нужную информацию.

— Ой, так вы наш человек! — мастит уже пятую точку.

— Что ж сразу не сказали?

Я улыбаюсь.

— Решил сначала проверить, не врет ли товарищ. А то нахваливал слишком.

Она лыбится, довольная, садится напротив без приглашения, и у меня внутри уже всё собирается в одну картину. Ну давай, мамаш. Расскажи. Я даже напрягаться не буду. Такие, как ты, сами всё вываливают, если правильно кивнуть.

И она вываливает.

Сначала про кухню. Потом про семью. Потом про то, какой у нее сын замечательный. Как много работает. Как много на нем держится. Я киваю, вставляю нужные «да вы что», «серьезно», «ну надо же». А сам смотрю на нее и думаю: ну, рассказывай дальше, золотая рыбка. Где-то у тебя уже выглядывает хвост всей этой истории. Вот он, торчит.

— У нас скоро будет вторая свадьба у моего сына, — выдает она с таким видом, будто вручает мне орден. — Вы приедете? Вы такой хороший, сразу видно, свой человек. У нас тут будет пир горой. Вино будет литься рекой. Рог изобилия, одним словом. Сыночка поздравите.

Я даже чашку не сразу ставлю. Просто смотрю на нее секунду, а внутри в этот момент у меня складывается еще один пазл.

Вторая свадьба.

Вот оно, значит, как.

Я улыбаюсь, а сам уже считаю не блюда и не гостей. Я считаю смысл. Для чего эта свадебка. Для любви? Да не смешите. Для традиций? Тоже нет. Тут всё пахнет деньгами. Чем-то выгодным. Каким-то обменом.

А если учесть, что сынок в долгах по уши и ведет себя, как крыса, которая решила отсидеться, то картина становится совсем ясной.

Женят его не потому, что сердце запело. Женят, чтобы дырки заткнуть. Чтобы решить вопросик. Чтобы вытащить

его жопу за счет другой семьи. Красиво. По-семейному. По-кавказски, мать его, торжественно.

— Да конечно приду, — говорю я с улыбкой. — Как я могу свадьбу товарища пропустить то?

Она довольна до невозможности.

— Вот и хорошо! Вот и правильно! Друзья должны быть рядом в такие дни!

А у меня в голове уже не праздник. У меня в голове Маша.

Как же ты, девочка, на это согласилась?

Сидишь дома, пыль вытираешь, на кухне, может, с этой мегерой возишься, а у твоего мужа тут вторая свадьба на носу. И ты что, в курсе? Ты это проглотила? Или тебя так придавили, что ты уже и слова не можешь сказать?

А может... может, ты ни сном ни духом. И вот этот вариант мне не нравится сильнее всего. Потому что если она не знает — тогда это уже не семейная грязь, это откровенное скотство.

Тогда девку жалко искренне, от сердца. Не по-мужски даже, а по-человечески. Она сидит там, в доме, со своими светлыми глазами, и, возможно, до сих пор думает, что у мужа просто трудности. А муженёк тем временем готовится жениться второй раз, чтобы перекрыть долг.

Да уж, блят. Красиво живёте, товарищи.

Матка семейства что-то еще лепечет. Про высокопоставленных гостей. Про халяльных баранов. Про живую музыку. Про то, что «всё должно быть достойно». Я киваю, но уже

вполуха. Потому что в этот момент поднимаю голову — и вижу ее.

Маша.

Она проходит мимо по коридору. Быстро, с опущенными глазами, с каким-то подносом или полотенцем в руках, не успеваю даже рассмотреть. Но этого мгновения хватает.

Светлые волосы небрежно топорщатся из под платка. Лицо бледное. Идет не так, как ходят счастливые женщины перед семейным праздником.

Нет в ней ни суеты радостной, ни блеска, ни той домашней бодрости, которая бывает у хозяйки, знающей, что скоро торжество.

Нет. В ней усталость. Тревога. И эта её хрупкость, от которой у меня внутри снова всё неприятно сжимается.

Красивая женщина.

Очень красивая.

Только с семейкой ей не повезло.

Я провожаю ее взглядом, а у самого внутри уже не просто интерес. Не просто «понравилась». У меня в голове начинает шевелиться что-то другое. Нехорошее. Опасное.

Потому что, когда мужик видит чужую красивую жену — это одно. А когда видит, что эту жену ещё и ломают свои же, используют, врут ей, водят вокруг пальца, — тут у любого нормального мужика может включиться совсем другой инстинкт.

И я, мать его, очень надеюсь, что у меня сейчас включи-

лась не жалость.

Потому что жалость — это ещё можно пережить.

А вот если меня реально зацепило...

Тогда у Адила этого, мать его, проблемы могут начаться совсем другого сорта.

Я намерен забрать его жену, тем более после такого.

Глава 17

Мария

Я сижу на краю кровати и медленно провожу расческой по волосам. С самого пробуждения все идет не так.

Тело словно чужое. Голова мутная. Низ живота то отпускает, то снова неприятно ноет, и я уже устала гадать, что со мной происходит.

Вчерашний день вымотал меня до самого дна. Эти бесконечные дела, пакеты, уборка, Алия Исмаиловна со своими поручениями, моя вечная попытка не рухнуть прямо посреди кухни и не показать никому, что мне совсем нехорошо.

Я ведь уже все варианты в голове перебрала. Давление? Может быть. Усталость? Возможно. Нервы? Еще как. Но почему тогда меня снова мутит? Почему уже второй день подряд меня ведет так, что я еле успеваю добежать? Грудь стала такой чувствительной, что даже ткань ночной рубашки раздражает.

И самое страшное — почему внутри меня шевелится эта мысль, от которой мне одновременно хочется заплакать и закричать от счастья, и я боюсь даже назвать ее вслух, чтобы не спугнуть и не сглазить?

Откладываю расчёску, смотрю на свое отражение в зеркале шкафа и вижу бледное лицо, распущенные светлые воло-

сы и растерянные глаза. Не женщина, а комок нервов. И в этот момент к горлу снова подкатывает. Резко. Сильно. Так, что я едва успеваю вскочить.

Я почти бегу в ванную, прижимаю ладонь к губам, наклоняюсь над раковиной, и меня скручивает так, что в глазах выступают слезы. Ноги становятся ватными, ладони леденеют, по спине проходит дрожь, и я хватаюсь за край раковины так крепко, будто без нее сейчас просто сползу на пол.

Когда становится легче, я еще несколько секунд стою, согнувшись, с закрытыми глазами, и сердце так грохочет в груди, что отдает в уши.

Все. Все. Хватит делать вид, что это случайность.

Хватит успокаивать себя глупостями. Такие мысли не приходят просто так. Такие симптомы не появляются из ниоткуда.

Я медленно поднимаю голову, смотрю на себя в зеркало — растрепанная, с влажными глазами, с совершенно ошалевшим лицом — и шепчу одними губами, сама себе не веря: может быть, я все же беременна?

От этих слов меня прошибает так, что пальцы начинают дрожать. Я оборачиваюсь к своей полочке. Маленькой полочке, заставленной баночками, флаконами, всякой всячиной, за которой, в самом дальнем углу, спрятано мое личное, больное, тайное.

То, к чему я подходила уже сотню раз, брала в руки, держала, смотрела и не решалась. За шампунями, за упаковкой

ватных дисков, за высокой банкой маски для волос лежат тесты. Несколько штук.

Я купила их давно. После тех раз...

После тех месяцев ожидания, надежды, потом пустоты.

Я храню их так, будто они могут однажды стать пропуском в другую жизнь. В ту, где я уже не просто жена, не просто невестка, не просто девочка, которая всем должна угодить. В ту, где во мне — наш ребенок.

Наш.

Мой и Адиля.

Я столько раз представляла этот момент, что теперь, когда рука сама тянется туда, когда я отодвигаю флаконы, когда нащупываю коробочку, мне становится по-настоящему страшно. До такого состояния, когда хочется и сделать, и выбросить все к черту, лишь бы не видеть опять одну полоску.

Я достаю тест. Невесомый, а в ладони он ощущается так, будто весит килограмм.

Сейчас. Вот сейчас. Это может стать реальностью. У меня нет других объяснений. Нет. Я чувствую, что что-то изменилось внутри. В теле. В ощущениях.

И я боюсь. Господи, как же я боюсь поверить раньше времени. Боюсь увидеть там опять пустоту. Боюсь, что сейчас сама себя накручу, а потом опять буду сидеть на полу в ванной и реветь в полотенце, чтобы никто не услышал.

Я делаю тест, кладу на раковину и сразу отворачиваюсь. Нет. Не могу. Не могу смотреть.

Еще и минуты не прошло, а мне уже кажется, что я сейчас упаду в обморок.

Стою, упершись ладонями в столешницу, и считаю про себя.

Раз. Два. Три.

Глупо, нелепо, бессмысленно, потому что я сбиваюсь уже на десяти.

Страшно. Господи, как страшно.

Страшно обернуться и снова там ничего не увидеть.

Я закрываю глаза, делаю короткий рваный вдох, потом еще один, а после резко поворачиваюсь.

И замираю.

На тесте слабая вторая полоска.

Сначала мне кажется, что я просто сошла с ума, что мне мерещится и это тень, мираж, отсвет, брак, ошибка, что угодно, только не то, о чем я думаю.

Я хватаю его, подношу ближе к лицу, моргаю раз, второй, третий, щурюсь, потом даже отстраняю руку, снова смотрю. Нет. Она там. Бледная. Очень слабая.

Но она есть.

Есть.

Чувствую, как у меня отнимаются колени, и буквально оседаю на край ванной, не сводя с него глаз. Мамочки... Я что, правда беременна?

Я? У меня? Получилось?

Рука сама ложится на живот. Под ладонью все по-прежнему. Живот как живот. Ничего внешне не изменилось. Но внутри меня уже все переворачивается.

Я смотрю на эту вторую полоску и не могу осознать. Протираю глаза. Снова смотрю. Она на месте.

Щипаю себя за запястье — больно. Значит, не снится. Значит, это правда? Господи, это правда? У меня получилось?

Я столько счастья и такого шока одновременно в жизни не испытывала. Меня будто изнутри разрывает. Меня качает между смехом и слезами. Хочется кричать. Хочется плакать. Хочется бежать. Хочется спрятаться. Хочется, чтобы Адиль сейчас же оказался рядом, взял меня за плечи, посмотрел на этот тест и сказал:

— Да, Маша. Да. У нас будет ребенок.

Я поднимаюсь на ноги, выхожу из ванной в спальню почти на цыпочках, как сумасшедшая, которая боится спугнуть собственное счастье.

Хватаю телефон, фотографирую тест. Руки дрожат так, что снимок получается смазанным с первого раза. Делаю еще. На фотографии тоже две полоски. Даже там. Даже на экране.

Я смотрю на фото и смеюсь сквозь слезы.

Господи... Я сразу же набираю Адиля. Конечно. Конечно, первым делом — ему. Он должен знать. Он обязан знать. Даже если по телефону. Даже если ничего не скажет сразу.

Пусть только увидит это своими глазами. Пусть подтвердит мне, что я не схожу с ума, что это не ошибка и он рад. Хочу знать, что он счастлив, что у нас будет малыш.

Наш малыш.

Я прижимаю телефон к уху и вслушиваюсь в гудки.

Звонок сбрасывается.

Я блокирую экран, сразу разблокирую вновь. Снова набираю. Снова. Снова. Недоступен.

Черт. Черт, черт, черт!

Я сжимаю смартфон так крепко, что пальцы белеют. Ну где ты? Где ты сейчас? Почему именно сейчас тебя нет? Почему именно в тот момент, когда мне больше всего на свете нужно услышать тебя, тебя нет рядом?

Мне хочется разрыдаться от обиды, но я заставляю себя не делать этого.

Нет. Рано. Нельзя. Я еще не до конца уверена. Мне нужен второй.

Сразу. Прямо сейчас, чтобы не было сомнений. Чтобы не было места панике. Нужно подтверждение.

Я возвращаюсь в ванную, достаю со своей полочки второй. Пальцы уже не просто дрожат — они буквально ходунком ходят. Я шепчу сама себе какую-то бессвязную чушь, успокаиваю, умоляю, убеждаю.

Ну не может же это быть ошибкой. Не может. Не должно. Только не сейчас.

Не после всех моих слез в подушку. Не после этих неловких разговоров, этих намеков, этих колючих взглядов Алии Исмаиловны, этих чужих вопросов про детей, от которых хотелось провалиться под землю. Не после того, как я уже почти перестала надеяться. Не после того, как стала делать вид, что мне все равно.

Я делаю очередной тест и в этот раз не отворачиваюсь. Нет. Я смотрю на него так, будто могу взглядом заставить проявиться вторую полоску. Вглядываюсь. В голове ни одной связной мысли. Я даже думать не могу. Одна или две? Одна или две?

— Это не может быть ошибкой... — шепчу я себе под нос, едва слышно. — Пожалуйста... только не ошибкой...

Глаза жжет. Сердце стучит так, что, кажется, сейчас выскочит. Меня трясет всю, от макушки до пяток. Я даже закрываю глаза на несколько секунд, потому что больше не выдерживаю.

Жду. Молюсь всем на свете. И когда наконец открываю их, то сначала не верю. Потом смотрю еще раз. Потом наклоняюсь ближе.

Снова.

Снова слабая вторая полоска.

У меня вырывается какой-то странный звук — то ли всхлип, то ли смех, то ли судорожный выдох.

Я смеюсь и плачу одновременно, прижимаю этот маленький кусочек пластика к груди, потом снова смотрю на него.

Господи. Господи. Я правда беременна. Правда. Не показалось. Не придумала. Не сошла с ума.

И от этого осознания меня просто разрывает изнутри таким счастьем, таким оглушительным, что я не знаю, куда его деть. Мне хочется упасть на колени и благодарить. Хочется выбежать из комнаты и рассказать всему дому.

Хочется спрятать это счастье под сердцем и никому не отдавать. Хочется, чтобы Адиль сейчас же открыл дверь, вошел, посмотрел на меня, на мои мокрые щеки, на два теста с бледными полосками, и я бы ничего даже не объясняла. Просто протянула ему руки, а он бы все понял.

— Мамочки... я правда беременна.

Надо бежать. Прямо сейчас. Вниз. На кухню. К свекрови. Выпалить ей с порога, показать эти две бледные полоски, чтобы она наконец-то подавилась своими намеками, своими взглядами, своими вечными разговорами про детей, про продолжение рода, про то, что женщина в доме должна. Чтобы увидела и чтобы поняла. Чтобы хоть раз посмотрела на меня не как на пустое место, а как на ту, которая носит под сердцем ребенка ее сына.

Но эта мысль вспыхивает и тут же гаснет.

Нет. Ни за что. Первым должен узнать муж. Только он.

Я хочу увидеть его лицо. Хочу увидеть, как у него меняются глаза. Хочу сама вложить ему в ладонь этот тест. Хочу, чтобы он услышал это от меня, а не от своей матери, которая тут же накинется на него с восторженными воплями про на-

следника, наследницу, фамилию, кровь, род.

Не хочу отдавать ей этот момент. Не хочу, чтобы она при-
своила даже это.

Это наше. Только наше. Мое и его.

И хотя бы этот кусочек счастья я хочу удержать между
нами, не впуская никого.

Я выхожу из ванной обратно в спальню, все еще прижи-
мая телефон к груди, все еще дрожа от шока, от радости, от
страха, и вдруг слышу какой-то шум за окном.

Непривычный. Не такой, как всегда. Гул моторов, хлопа-
нье дверей, какие-то голоса, суета.

Я замираю на месте, потом подхожу к окну, отодвигаю за-
навеску и выглядываю во двор.

Там машины. Несколько. И стоят они странно.

Не с того заезда, где обычно останавливаются гости, не у
ворот, не там, где всегда разгружают что-то к праздникам.
Прямо со стороны нашего двора.

У дома. Ближе. Будто приехали не на торжество, а именно
в дом.

Хм. Что это? Уже началось какое-то мероприятие? При-
везли что-то? Людей? Подарки? Тогда почему сюда? Почему
так рано?

Становится не по себе.

Я даже не успеваю толком подумать. Уже иду. Почти бегу.
Выскальзываю из спальни, хватаюсь за перила, быстро спус-

каюсь вниз по лестнице, и сердце колотится уже не от тестов, не от счастья, а от какой-то странной тревоги, которая растет с каждой ступенькой. Я спускаюсь ниже, ниже, вижу открытую дверь, вижу двор, вижу людей... и вижу Адиля.

Он стоит внизу.

Такой родной. Мой муж.

И я уже почти улыбаюсь, уже почти хочу сорваться к нему, броситься, схватить за руку, утащить наверх, в комнату, закрыть дверь и, задыхаясь от счастья, сказать

— Адиль... любовь моя, у нас будет ребенок.

Я делаю еще шаг.

И в этот момент замечаю, что он не один.

Рядом с ним стоит девушка.

Молодая. Стройная. В красном платье.

Я даже не сразу понимаю, что именно вижу. Мозг будто отказывается складывать картинку. Адиль... и какая-то девушка... слишком близко.

Его рука лежит у нее на талии. Он приобнимает ее так, как мужчина приобнимает ту, рядом с которой хочет стоять.

Я останавливаюсь на ступеньках так резко, что у меня едва не подворачивается нога.

Смотрю. Смотрю на его затылок. На ее платье. На ее темные волосы. На их близость. Потом — ему в глаза.

На секунду пытаюсь объяснить это хоть чем-то. Сестра? Родственница? Чья-то дочь? Гостья? Может, я не так поняла.

Может, это вообще ничего не значит. Может...

— Здравствуйте, — выдавливаю я первой, потому что тишина уже режет по нервам.

Они оба поворачиваются.

Адиль смотрит на меня.

И в следующую секунду выдает то, от чего у меня из под ног уходит земля.

— Маша, познакомься. Это Мадина. Моя вторая жена.

Дорогие читатели! ##

Продолжение уже сейчас можно прочитать в следующей главе.

История набирает обороты. Вас ждут эмоции, напряжение, боль, откровения, неожиданные повороты сюжета и многое другое.

##

Ваша Алена #

Глава 18

Мария

Я настолько ошеломляюсь от увиденного и услышанного, что в первые секунды мое лицо даже не в силах передать эмоции. Совсем. Ни реакции. Ни крика.

Будто меня ударили обухом по голове, и теперь я стою, смотрю на собственного мужа, на его руку на талии чужой женщины, на ее красное платье, на задний план двора, полного машин, людей, суеты, и не могу собрать в голове ни одного вразумления.

Только гул. Только стук крови в висках. Только это жуткое, мерзкое ощущение, что мир сейчас треснул напополам, а я стою в эпицентре этого разлома.

Смотрю в глаза Адиля и не узнаю его. Это же он. Мой муж. Мужчина, которого я люблю. Мужчина, которого жду ночами. Мужчина, ради которого терплю его мать, ее болючие замечания, ее презрение, ее грязные намеки, ее вечное «не можешь», «не родила», «не такая». Ради которого я проглатываю слезы, молчу, верю и надеюсь.

А сейчас этот человек стоит передо мной и с таким невозмут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.